

Мужской взгляд

Мои дороги в поисках любви

И у мужчин бывает сердце

Дмитрий Теплов

18+

Дмитрий Теплов

**Мои дороги в поисках любви.
И у мужчин бывает сердце**

«Автор»

2021

Теплов Д.

Мои дороги в поисках любви. И у мужчин бывает сердце /
Д. Теплов — «Автор», 2021

ISBN 978-5-532-92016-3

Когда в середине жизни я стал замечать, как мои ровесники вдруг стали разводиться, то подумал, что мне это не грозит. Я считал себя хорошим мужем, отцом и гордился своим 20-летним браком. Семья и дети были для меня абсолютной ценностью. Но эта участь в итоге не миновала и меня. Тогда весь мой мир рухнул, и из него ушло все, ради чего я жил и работал. От счастливого брака остались горечь напрасно прожитых лет и ожидания бесперспективного будущего. Психолог сказал, что на преодоление такого кризиса может уйти от пяти до десяти лет. Это книга о том, как за 2 года я обрел цель, начал строить новую жизнь и новые отношения. Я не психолог и не тренер, а обычный мужчина. Я не буду учить, ибо сам постоянно учусь. Здесь моя личная история, в которой описаны мои мысли, чувства и действия. В течение двух лет поиска ответов на непростые вопросы, анализа ошибок и работы над собой. Каждый день. Надеюсь, моим читателям будет интересно, а может быть и полезно пройти 400 страниц этого пути.

ISBN 978-5-532-92016-3

© Теплов Д., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Часть 1. И в даль ушла любовь, и стала точкой	5
Глава 1. Любовь нечаянно уходит, когда того совсем не ждешь	5
Глава 2. За месяц годы я решил исправить	9
Глава 3. О Боге вспомнишь, лишь когда все плохо	12
Глава 4. Кто виноват? Что делать? Дай ответ, психолог!	23
Глава 5. Один скитаюсь по горам Кавказа	28
Глава 6. Как ни старайся, а бывает поздно	33
Часть 2. Ошибки совершать не сложно, но тяжелее исправлять	40
Глава 1. В жизни даже жесткие удары надо благодарно принимать	40
Глава 2. «Нам песня строить и жить помогает»	45
Глава 3. Когда и друг, и истина – дорога	51
Глава 4. Искусство тоже может стать лекарством	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Дмитрий Теплов

Мои дороги в поисках любви. И у мужчин бывает сердце

Часть 1. И в даль ушла любовь, и стала точкой

Глава 1. Любовь нечаянно уходит, когда того совсем не ждешь

25 апреля

В первую ночь, когда она не вернулась домой, я до утра так и не смог заснуть. Потом будут и другие, но ту первую я отчетливо помню. Сначала я ждал, мало ли что, может, дела. После получения новой должности она часто задерживалась на работе. Около трех часов я все-таки решил позвонить. Она ответила, что засиделась с коллегами. У нашей общей знакомой. Они обсуждали важные темы. Я сказал, что мне ее не хватает. Она пообещала скоро приехать. Но не приехала. Ни через час, ни через два.

Я беспокоюсь ворочался на огромной супружеской кровати. Сон не шел. Было больно. Не в моих правилах устраивать разборки, жаловаться и качать права. Свою боль я всегда переживал молча и умел с ней справляться. Но на этот раз обычные методы не работали.

Я с трудом дождался семи утра. Время утренней литургии. Я отправился в ближайший храм, благо он недалеко. Надеюсь, что молитва поможет. Храм был закрыт. Оказывается, он открывается только по воскресеньям, а сегодня суббота. Я еще час бесцельно слонялся по пустым улицам. Было тяжело. Особенно от ощущения того, что даже Бог сегодня не хочет меня впустить.

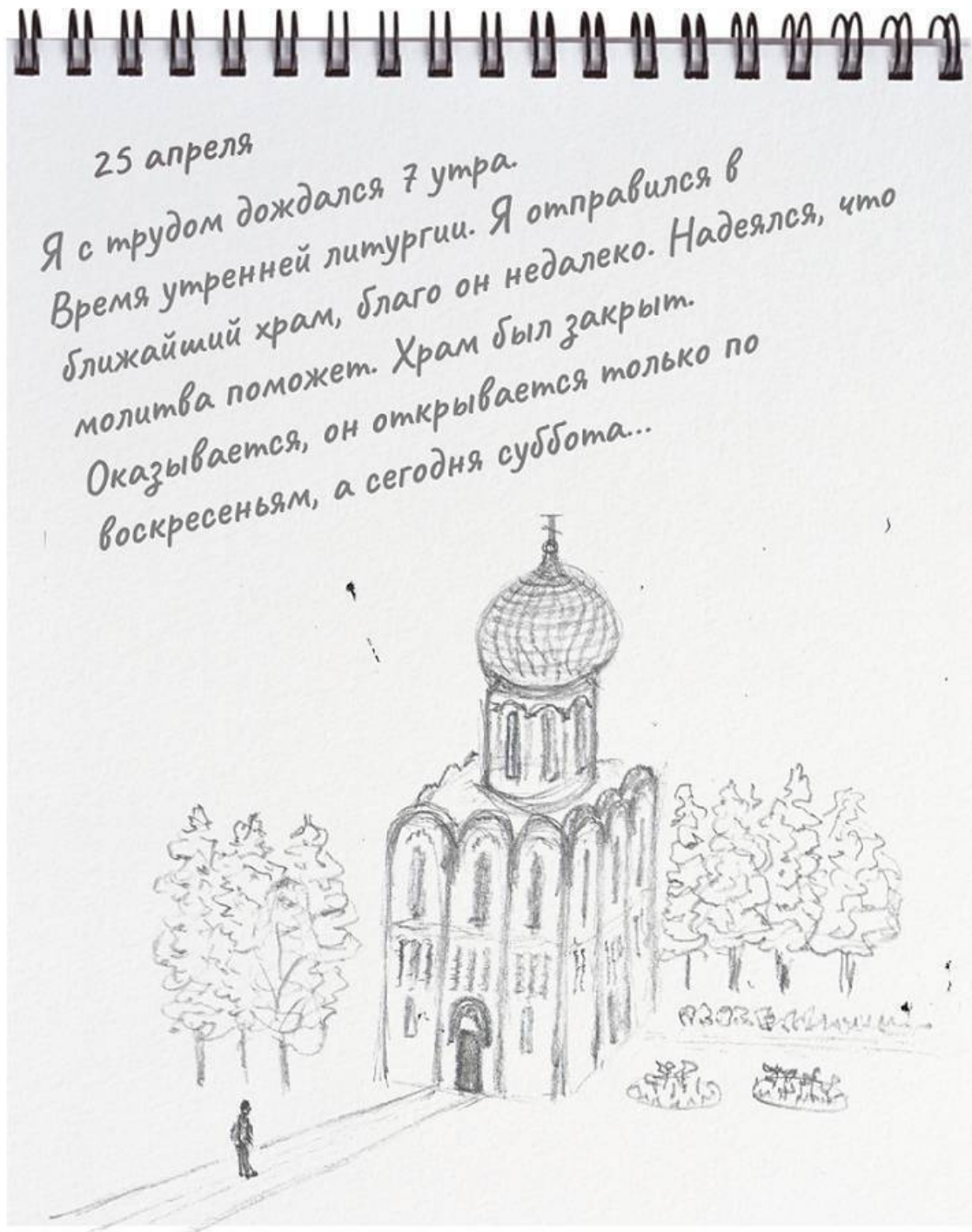
Она появилась около двух часов дня. Сказала, что они со знакомой так чудесно общались, что было жалко это общение прерывать. Я заметил, что не представляю ситуации, когда я бы не приехал, услышав ее слова «мне тебя не хватает». Не помню, что она ответила.

Так началась история крушения моего мира. Мира, который я строил двадцать лет.

* * *

Отношения складываются из множества мелочей. Осознание этого пришло неожиданно и больно. Когда в очередную мою попытку наладить отношения мне предъявили длинный счет. За все 20 лет нашей супружеской жизни. Половину событий из этого списка я даже не смог толком вспомнить, а многие другие показались мне совсем незначительными. Или не настолько значительными, чтобы ставить под вопрос ценность нашего брака.

Это потом, прочитав умные книжки, я узнал, что психология женщин работает так, что они учитывают абсолютно все события независимо от их масштаба. Но тогда я был потрясен количеством тех мелочей, которые ранили ее. И она помнила их все. А многие даже записывала. Спрашивать «почему ты мне раньше об этом не говорила?» было бессмысленно. Все уже случилось. Счет выставлен и не подлежит пересмотру.

Я слишком часто не придавал значения таким мелочам, потому что сам привык судить о людях по большим делам и мириться с мелкими недостатками. Это помогало принимать жизнь такой, какая она есть, не требуя от людей лишнего. Но сейчас был совсем другой случай. Сейчас эти мелочи разрушали мой мир, мою семью, и от них нельзя было просто так отмахнуться.

Встречного счета у меня его не было. За два десятка лет я научился многое принимать, прощать, соглашаться. Уже позже я понял, что соглашался слишком часто, но тогда мне хотелось, чтобы она со мной была счастлива. И ради этого я был готов к компромиссам.

Мне невольно вспомнилась христианская притча о камнях. Старец велел одной женщине, которая не особенно беспокоилась о своих грехах, пойти на поле и принести оттуда много мелких камней. А когда она принесла, велел отнести обратно и положить на свои места. Женщина

растерялась, потому что не помнила всех мест, откуда брала камни. И тогда старец сказал: «Вот так и грехи твои. Мелки, да так многочисленны, что ты их и упомянуть не можешь».

И сейчас эти многочисленные мелочи, как камешки, складывались в большую грудку, которая давила на меня тяжелым грузом ответственности. За ошибки, невниманье, непониманье, душевную слепоту и глухоту. И этот груз так просто не сбросишь. И просто так от него не убежишь. Моя душа требовала работы над ошибками. Эта работа займет три года. Три года молитв, покаяния, попыток исправиться в других отношениях и отдавать, не ожидая ничего взамен. Это будет честная работа. О ней, собственно, вся эта книга.

15 мая

«Точка невозврата пройдена», – сказала она, собирая вещи. У нас было пять комнат. Одна из них, гостевая, почти всегда пустовала. И она теперь собиралась переселиться туда.

Я ничего не понимал. Мне казалось, что наши отношения были крепки как никогда. Я не помнил ни одной серьезной ссоры за последние несколько лет. А сегодня она говорит, что мы не можем быть вместе, и уходит от меня. Пока, правда, только в другую комнату.

И про точку невозврата я тоже ничего не понимал. Совсем ничего. Только по ее спокойному, будничному тону чувствовал, что это не игра. Ее решение было продуманным и серьезным. И что теперь делать, я не знал. Я не был готов к такому повороту событий. Все было как гром среди ясного неба.

За 20 лет мы никогда не спали порознь. Если не считать случаев, когда кто-то из нас заболел и лежал с температурой. Спать вместе было у нас правилом. В день нашей свадьбы моя крестная мать, которую мы оба очень уважали и любили, дала нам наказ: что бы ни происходило в нашей жизни, какие бы ссоры и размолвки ни возникали, всегда спать в одной постели. Мы дали ей такое обещание.

Ссоры, конечно, бывали. И бывало, что она уходила в свободную комнату. И тогда я приходил к ней и говорил: «Помнишь, что мы обещали крестной? Нам нужно быть вместе». И она возвращалась. Всегда.

Но не в этот раз. Сейчас наказ был нарушен совершенно сознательно. И было ясно, что увещевать бессмысленно. Я молча наблюдал за ее сборами. Хотя нет, что-то я все-таки сказал, не помню, что. Помню, что она ответила.

«Я тебя предупреждала неоднократно. Только ты не хотел слушать. Ты, как всегда, был занят собой». В ее голосе звучала жесткая удовлетворенность. Так родители с сознанием своей абсолютной правоты наказывают нерадивых детей. И я не мог отделаться от ощущения, что она меня сейчас наказывает. За какую-то пока непонятную мне, но очень серьезную, жуткую провинность. Я силился понять, какие такие страшные злодеяния я совершил, чтобы заслужить столь жестокое наказание. И не мог. И ничего не мог сделать. И от этого было больно.

23 мая

Следующие дни прошли, как в тумане. Я ходил совершенно подавленный внезапными переменами. Не помню, что я тогда делал. Помню только, что никак не хотел принимать эти перемены и мириться с ними. Случившееся казалось какой-то чудовищной несправедливостью. А то и вообще странным наваждением, которое вот-вот закончится. Но ничего не заканчивалось, и реальность постоянно напоминала о себе одинокими ночами.

Время шло. В какой-то момент я решил поговорить с ней. Мой посыл состоял в том, что мы не должны так жить. Что это очень плохой пример детям, которые все видят. Что нам надо либо вернуться к прежнему образу жизни, либо как-то объяснить им, что произошло. По правде говоря, я очень рассчитывал на первый сценарий.

Конструктивного разговора не вышло. Она сразу перешла в наступление и предъявила мне счет за всю нашу жизнь. О нем я уже писал выше. Список больших и малых обвинений

был настолько длинным, что уже к середине я онемел под его растущей тяжестью. С трудом переваривая все новые и новые пункты, я бессильно сидел и ждал, когда же они закончатся.

Свою филиппику она риторически грамотно подвела к текущему статусу наших отношений. Мне было сказано, что люди еще и не так живут, что супруги могут жить порознь и при этом заботиться друг о друге. А детям надо сказать, что папе с мамой пока придется пожить так, в разных комнатах. Версию событий для детей она тоже изложила. На мой взгляд, совершенно надуманную и несправедливую. А своей у меня не было.

В итоге мы так и остались в состоянии неопределенности. О разводе речь не шла. По крайней мере, до совершеннолетия дочери. Она предлагала мне какой-то странный формат отношений, при котором мы заботились бы друг о друге, продолжали выполнять свои родительские функции, живя при этом как бы вместе, но по сути врозь.

Меня такой вариант не устраивал. Но по своей уже привычной склонности к компромиссам я уцепился за эту неопределенность. Я решил использовать status quo, чтобы попробовать все исправить и вернуть. Да, я попал в сложную ситуацию. Таких в моей жизни еще не было. И я воспринял это как вызов. Вызов, в котором была ясная цель, – спасти наш брак. Цель благородная и достойная вложений. И жертв. Я считал себя человеком, который умеет достигать целей. А еще я очень любил жену и не мыслил своей жизни без нее. И мне не оставалось ничего, кроме веры в свои силы и в свои чувства. И в силу своей молитвы.

Глава 2. За месяц годы я решил исправить

31 мая

Я начал, как мне казалось, с самого очевидного. С ее списка обвинений. Какие-то пункты я признал справедливыми, какие-то – нет. Но тогда я подумал: раз она так чувствует, значит, мне надо к этому прислушаться. И пойти навстречу даже в тех моментах, где я был с ней не согласен. Только так она могла бы увидеть, что для меня ее слова и переживания не пустой звук. Что все сказанное ею я воспринял всерьез. И мне хотелось ей это показать.

Я старался быть внимательным к ней в разных мелочах. Благо, режим моей жизни это позволял. В то время я уже не работал в крупной корпорации, вел свои проекты и мог позволить себе свободный график. Офис я посещал несколько раз в неделю, оставшиеся дни работал дома.

Ее же график, наоборот, усложнился. Новая должность, которую она получила около года назад, требовала проводить больше времени на работе. Наши роли как бы поменялись. С моей стороны не было возражений. Она не раз сетовала на то, что я не ценю ее непростой труд по поддержанию уюта в доме. Теперь я стал больше заниматься домашними делами, чтобы прочувствовать это. Я не считал работу по дому каким-то «немужским» делом. До женитьбы я восемь лет жил по общежитиям, включая год на стажировке в чужой стране. Я умел вести хозяйство и с энтузиазмом взялся за дело. И, конечно, мне хотелось, чтобы она увидела мои усилия. И оценила их.

15 июня

Не то чтобы я совершенно превратился в домохозяйку. Просто я стал чаще брать на себя те дела, которые раньше делал от случая к случаю. Я сам гладил себе рубашки, готовил ужин и кормил детей, если она задерживалась на работе, планировал меню и закупал продукты.

А еще я начал организовывать уборку нашей большой квартиры. Это был один из важных пунктов в ее списке. Я брал на себя самые тяжелые участки – мытье двух санузлов и кухни, сын отвечал за пылесос, а дочка – за мытье полов. Пыль в своих комнатах каждый вытирал сам. Уборка проходила дружно – всем нам хотелось сделать маме приятное.

Я стал чаще посещать родительские собрания в дочкиной школе и немного вникать в вопросы, о которых раньше имел крайне поверхностное представление. Я общался с учителями и другими родителями. Мне это нравилось. Особенно общаться с учителями. Они привыкли, что на собрания в основном ходят мамы, и относились ко мне с особым пиететом. А мне было приятно чувствовать себя хорошим папой.

А еще каждую неделю я покупал у бабушек в пешеходном переходе полевые цветы и ставил букет на ее рабочий стол. Я тешил себя мыслью, что делаю сразу два добрых дела: и бабушкам поддержка, и любимой женщине радость. И это грело мне душу.

Я встречал ее по вечерам с работы, накрывал ужин. Поначалу мне нравилось встречать ее. Я помнил, как она встречала с работы меня – с радостной улыбкой и готовой едой. Я шел домой, зная, что меня любят и ждут. И мне хотелось подарить ей такое же ощущение.

Получалось плохо. Точнее сказать, не получалось вообще. Она приносила домой совершенно чужой запах – запах ее тусовки. Она говорила только о работе, и было видно, что домой она пришла только переночевать. Душой же она осталась там, в этой своей рабочей тусовке, пропахшей табаком и сплетнями. И которую я уже тихо ненавидел. Иногда она благодарила за цветы, но чаще переставляла их на кухонный стол. Я стал реже покупать их, но все равно покупал, когда в переходе видел трогательную ветхую цветочницу. Покупал и приносил домой. И упрямо ставил жене на стол.

Она чаще задерживалась допоздна на работе и возвращалась, когда я, уложив детей, сам отправлялся спать. Дочку уложить было непросто. Она каждый раз хотела дождаться маму, чтобы та обняла ее перед сном. Приходилось объяснять, что у мамы новая должность и много работы. У меня постепенно накапливалось раздражение от такого образа жизни. И от отсутствия результатов и перспектив.

Все чаще казалось, что мои усилия напрасны. Тогда я молился и просил у Господа разумления, сил и помощи. «Раз уж ты решил быть смиренным, то вот и терпи», – сказал мне мой духовный отец как-то на исповеди. И я терпел. Потому что чувствовал себя ответственным за случившееся. Считал, что Господь попустил это все, чтобы преподать мне урок и научить смирению, чуткости и внимательности. И я честно старался выучить этот урок. Я всегда был прилежным учеником.

* * *

Сегодня я благодарен этому периоду своей жизни. Оглядываясь назад, на те дни одиночества и уныния, я убеждаюсь, что не бывает худа без добра.

Теперь я понимаю, что тогда Господь дал мне возможность сблизиться с дочерью. Мы проводили очень много времени вместе. Вместе готовили еду, ужинали. Смотрели ее любимый испанский музыкальный сериал, обсуждали героев, разучивали ее любимые песни и потом пели их на два голоса.

Однажды я привез из Пекина набор для чайной церемонии и несколько сортов элитного чая. Вечером мы устроили видеотест этого набора и выложили в дочкин видеоблог на Ютубе. И оба получили удовольствие от процесса.

Мы проводили вместе выходные, выезжали с ночевками в Этномир и другие парки Подмосковья, занялись верховой ездой. Тогда же состоялся наш тур по Англии, Шотландии и Ирландии. Дочка почему-то невзлюбила английский язык, и я решил показать ей удивительный мир средневековых городов и замков, шотландских горных озер и долин с вереском, ирландских монастырей и обрывистых береговых скал. Мы посетили Лондон, Йорк, Оксфорд, Эдинбург, Дублин, избородили на кораблике Лохнесское озеро. Несси не нашли, зато много общались. Удивительная, незабываемая поездка. Потом дочка скажет, что эта было лучшее путешествие в ее жизни. В моей, наверное, тоже. Англия ей понравится. И через два месяца мы отправим ее туда одну. Изучать язык в летнем лагере. Так она захочет сама.

Я почувствовал себя настоящим отцом. Я бесконечно дорожил нашими задушевными разговорами, когда она делилась со мной переживаниями своей очень серьезной детской жизни. И мне была по-настоящему интересна эта ее детская жизнь. Хотя... уже и совсем не детская. Ей было 14, и она быстро выросла. Но я по-прежнему заходил к ней в комнату обнять ее перед сном и сказать вместо обычного «спокойной ночи» принятое между нами слово «спокойка».

6 июля

Я проснулся в шесть утра. Сон не шел. Уже рассвело. Летний воскресный день обещал быть ясным и солнечным. Я был один в пятикомнатной квартире: сын уехал на дачу к другу, дочь – на каникулах с классом в Испании. Жены тоже не было. В общем, чувствовал я себя крайне одиноко. Даже как-то погано. Не от того, что не знал, где она, а от сознания, что я сам своими руками довел наши отношения до такого состояния. Мне хотелось избавиться от этого груза, и я знал только одно средство, которое работало. Искренняя молитва.

Я сел за компьютер посмотреть ближайшие подмосковные монастыри. Меня привлек Троицкий Белопесочный монастырь на берегу Оки. Ехать чуть больше часа. По прикидкам я

даже успевал на литургию. На другом берегу реки древняя Кашира, там тоже есть монастырь и несколько храмов. Я быстро собрался, сел в машину и выехал.

Я успел и на литургию, и на акафист. Погулял по Кашире, дыша теплым летним воздухом и вспоминая свое советское детство. Городок сохранил много следов этой эпохи. Посетил прекрасный краеведческий музей, где экскурсовод с упоением рассказал мне о бивнях мамонтенка, найденных в здешних окрестностях археологами. В общем, выдался отличный день.

Потом будет много таких поездок: Серпухов, Боровск, Дмитров, Коломна, Александров, Переславль-Залесский, Николо-Пешношский монастырь, Хотьков монастырь под Сергиевым Посадом, Давидова пустынь, Ярославль и Толгский монастырь на Волге. Будет поездка к Петру и Февронии в Муром и в Дивеево к Святому Серафиму Саровскому. Десятки монастырей и храмов, тысячи километров пути. Я не коллекционировал их. Мне хотелось если не духовного подвига (я считал, что на него способны единицы), то какого-то серьезного молитвенного труда и работы для Господа. Мне казалось, что только так возможно что-то поправить.

Глава 3. О Боге вспомнишь, лишь когда все плохо

15 июля

Время шло, но ничего не менялось. Только сильнее становилось ощущение глубины кризиса, в который зашли наши отношения. Видя бесплодность своих усилий, я понимал, что надеяться остается разве что на чудо.

В моей жизни чудеса бывали. Хотя и редко. Когда я молился о выздоровлении своих близких. Разумеется, я не считал себя каким-то великим молитвенником, и все же чувствовал, что в каких-то случаях моя молитва доходит до Бога.

А в каких-то нет. Особенно когда я просил о сугубо материальных вещах: победе в тендере, новом клиенте, улучшении финансов. Конечно, я всегда добавлял, чтобы было не как я хочу, но как Он даст. Это означало мою готовность принять Его волю. И приходилось принимать, когда Он ничего такого мне не посылал. В какой-то момент я привык к этому и перестал просить Его об удовлетворении своих мирских нужд. И тогда мне становилось приятно просить за других. Я считал, что так правильно.

Но сейчас был другой случай. Речь шла не о моем личном благополучии. Речь шла о сохранении церковного брака. Я был уверен, что это богоугодное дело, о котором не стыдно просить. Смиренно, но настойчиво. Пока Он не услышит.

Почти каждые выходные я ездил по монастырям и храмам. Это не было отдыхом и обзором достопримечательностей. Хотя, нет, элемент туризма был. Но он был не главным. Главным был паломнический настрой на молитвенный труд. Я с большим уважением отношусь к феномену русского странничества. И мне хотелось почувствовать себя таким странником, бредущим с пустой сумой, дорожным посохом и молитвой от монастыря к монастырю. С горячим желанием покаяния и прощения.

В реальности я был очень и очень далек от этого образа. И от тяжелого молитвенного труда тоже далек. Но определенная духовная работа в этих поездках имела место. И в награду мне встречались удивительные места и прекрасные люди. А иногда открывалась какая-то глубинная правда о родной культуре и о том феномене, который называют Святой Русью. Я познавал свою страну, которую, будучи поглощен столичной жизнью и заграничными путешествиями, совершенно не знал.

20 июля

В Муроме я провел два замечательных дня, сняв комнату в гостевом доме. Мне хотелось обратиться с молитвой о помощи к Петру и Февронии, покровителям семьи и брака. Город стал для меня настоящим открытием. Пять действующих монастырей и несколько храмов. Все чисто и ухожено. Здесь чувствовалась какая-то едва уловимая, но активная духовная жизнь. На площади перед Троицким и Благовещенским монастырями толпились паломники. Не один я приехал помолиться о семейном счастье. Неустроенных жизней в России – миллионы.

Цель, ради которой я приехал сюда, была выполнена, даже с некоторым избытком. Хотя... В деле молитвы избытка быть не может. Дважды я приходил к мощам Петра и Февронии в Троицком монастыре прочитать акафист. И, несмотря на постоянно меняющиеся группы паломников, мне оба раза удалось сделать это почти в полном одиночестве. Казалось, святые знали, зачем я приехал, и специально давали мне такую возможность. Я стоял перед богато украшенным ковчегом, беззвучно проговаривая слова молитв. И была твердая уверенность, что они где-то там меня слышат. Это наполняло сердце теплом и надеждой.

Настоящим удивлением было узнать, что в Муроме существует целый сонм святых. Помимо благоверных Петра и Февронии, а также былинного богатыря, а в конце жизни – Печерского монаха преподобного Ильи Муромца, были благоверные муромские князья Кон-

стантин с супругой Ириной, его сыновья Михаил и Феодор, епископ Муромский и Рязанский святитель Василий, а также праведная Иулиания Лазаревская, жизнь которой показалась мне истинным образцом христианского служения.

Мечтавшую о монастырской жизни девушку выдали замуж за местного помещика, которому она родила семерых детей. Выполнив супружеский долг, Иулиания стала как бы монахиней в миру, все свое время посвящая заботам о ближних. Ближними она считала не только своих детей, но и крепостных мужа. Во время великого голода, охватившего страну в начале

XVII века, Иулиания, раздав свое имение и бедствуя сама, продолжала кормить всех, кто приходил к ней. По ее молитвам хлеб, приготовленный из лебеды и коры, был таким сладким, что люди со всей округи шли к ней даже за крохотным кусочком.

Обилие женщин среди муромских святых (княгиня Ирина, княгиня Феврония, праведная Иулиания) заставило меня задуматься о природе женской святости на Руси. Если добавить к муромским праведницам имена супруги Ярослава Мудрого княгини Анны Новгородской, супруги Дмитрия Донского княгини Евдокии Московской, супруги Михаила Тверского княгини Анны Кашинской, княгини Софии Слуцкой, то можно увидеть много общего. Святых жен Русской православной церкви отличает мудрость, верность и удивительное сочетание внешней кротости с душевной твердостью. А еще все жития рисуют их любящими супругами и сподвижницами своих мужей в их делах. Делах справедливого управления русской землей и умножения христианской веры. Ох, как бы хотелось сейчас побольше таких женщин.

Муромляне верят, что городу покровительствует весь многочисленный сонм местночтимых святых. Дни выдались солнечные, ясные и очень светлые по настроению. Я любовался плавным течением Оки, блеском куполов, уютом старинных улочек. Было, конечно, грустно ходить среди такой красоты одному, но во мне все еще теплилась надежда. Я знал, что уеду отсюда с чувством выполненного намерения. А еще я увозил с собой икону собора Муромских святых – частичку огромной Святой Руси.

7 августа

Святая Русь – не абстракция. Я посетил десятки обителей, включая довольно далекие от Москвы Псково-Печерскую Лавру, Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастыри на Вологодчине, монастыри Валаама. Могу с уверенностью сказать, что благодать Божья разлита по всей нашей необъятной родине. Но самое сильное ощущение ее концентрированного присутствия в одной точке я испытал в Дивеево.

К батюшке Серафиму я поехал с родителями. Они живут в Нижегородской области, так что сам Бог велел. Каждому из нас было о чем попросить святого земляка. Решили поехать с ночевкой, чтобы отстоять литургию.

Недели за две до поездки я занялся поисками ночлега. В Дивеево развитый частный сектор, и многие местные жители сдают квартиры паломникам. Я выбрал несколько вариантов. Кажется, второй или третий оказались свободны. Потом я узнал, что мне повезло. В Дивеево такой поток паломников, что жилье надо искать за два-три месяца. А я за полчаса нашел хорошую двухкомнатную квартиру.

Я заехал из Москвы за родителями, и мы отправились в путь. Езды было чуть более трех часов. По дороге решили сделать остановку в Арзамасе. Арзамас – старинный и очень красивый город с множеством храмов и домов старой постройки. Погуляв по историческому центру, торговым рядам и соборной площади, мы двинулись дальше.

В Дивеево приехали к пяти вечера, успев заглянуть к источнику святого Серафима на берегу речки Сатис. Оттуда отправились к канавке Богородицы – одной из главных достопримечательностей. Наверняка в тот вечер там тоже были люди. А ощущение, будто мы гуляли совершенно одни, так тихо и благодно было вокруг. Это одно из свойств святых мест. Там останавливается время, и ты будто проваливаешься в вечность. И ощущаешь себя с этой вечностью один на один. У Бога ведь нет времени в нашем понимании. У Него есть любовь и благодать. Они вечны.

Не помню, сколько мы сделали кругов по святой канавке. Гуляли долго, до самого поздна. Уходить не хотелось. Тем более что с наступлением темноты включили подсветку, и монастырь преобразился. Казалось, он светится сам собой, изнутри, без всякого электричества. В этом свете он выглядел еще величественнее. И оставался родным, своим. Оно и понятно. Здесь удел Пресвятой Богородицы. Мы все чувствовали себя под ее Покровом.

8 августа

Рано утром отправились на молебен. Пока ждали начала, решили приложиться к мощам. К ним уже стояла длинная очередь. Двигалась она медленно. Я начал бояться, что мне придется простоять в очереди весь молебен. Тут и произошло неожиданное.

Молебен начался в тот момент, когда я подошел к ковчегу. На время молебна доступ к мощам был прекращен. Только я стоял от них буквально в двух шагах. Можно сказать, что весь молебен я провел возле мощей батюшки Серафима. Казалось, он специально ждал, чтобы дать мне возможность поговорить с ним. И от ощущения того, что он ждал и принял меня, было невероятно светло на душе.

Нам очень хотелось попасть на литургию. Но Преображенский собор, где она проходила, был забит под завязку. И соборная площадь, несмотря на будний день, тоже. Люди молились, слушая литургию через громкоговорители. Это было удивительно. Стоять на площади с полным ощущением, что находишься внутри собора.

Такое мое чудесное впечатление от Дивеево. Что можно стоять на улице, а чувствовать, будто ты в храме. И, конечно, полчаса рядом с батюшкой Серафимом – тоже незабываемое ощущение. После этой поездки у меня к нему совершенно особое отношение. Он мне как близкий родной человек.

Я когда-то учился на историческом факультете. Нам рассказывали на лекциях о многочисленных социально-политических и военно-стратегических причинах поражения Наполеона в войне 1812 года. А есть и другое, совсем нематериалистическое объяснение. Что Господь помиловал Россию по молитвам святого Серафима Саровского. И вроде бы мне как историку должно быть понятнее первое. А ближе второе. Я верю, что такой праведник мог отмолить нашу страну у Бога. Вообще после посещения подобных святынь хочется гордиться тем, что родился и вырос в России. В стране, где такие места есть, и их много.

27 сентября

Несмотря на многочисленные паломнические поездки, полноты своего покаяния я не ощущал. И серьезного молитвенного труда тоже. Я начал упрекать себя в том, что вместо молитвы занимаюсь религиозным туризмом. Молитва требовала сосредоточенности и отрешенности от земной суеты. А в моих путешествиях этой суеты оставалось много.

Впрочем, я знал одно место, где у меня получалось сосредоточиться на молитве. Это был святой Афон. Его жесткий монастырский режим с почти постоянным стоянием в храме под монотонные распевы и постной трапезой два раза в день создавал идеальные условия для молитвенного труда. Труда в полном смысле этого слова. Выстоять четыре часа на ночной службе непросто.

Греческое церковное пение очень располагало к молитве. Я понял это не сразу, только в третье свое посещение Афона. И понял почему. Широко распространенное сегодня в наших храмах партесное многоголосие ¹ нередко отвлекает от молитвы. По крайней мере, меня. Я начинаю следить за партиями отдельных голосов, пытаюсь определить автора распева и логику развития гармонии. Если голоса не стройны, я тоже расстраиваюсь. В самом прямом смысле слова.

Афонское однозвучие, низкие мужские голоса, выводящие бесконечную витиеватую мелодию, погружали меня самого в эту бесконечность. Наверное, это можно сравнить с медитацией, если вообще можно применить данное слово к христианской молитве. В таком состоянии я мог и любил молиться. Я знал многие молитвы по-гречески, и мне нравилось их читать.

¹ Многоголосное хоровое пение, которое используется в униатском и в православном богослужении.

Греческий – один из сакральных языков Писания. Он очень красив в молитве. И на письме красив. Впрочем, и церковно-славянский красив. Он ведь тоже сакральный.

А еще на Афоне можно было почувствовать себя настоящим странником. Я любил ходить пешком от монастыря к монастырю с рюкзаком за плечами и скандинавской палкой в качестве дорожного посоха. На небольшом полуострове водились и дикие места, и дикие звери. По ночам выли волки, а днем шныряли в камнях шустрые ящерки и змейки.

Мне очень нравились живописные лесные тропинки, на которых встречались аккуратные маленькие часовенки или беседки для отдыха. Рядом обязательно бил родник, а освежиться ледяной водой в жаркий полдень – ни с чем не сравнимое удовольствие. Испить воды из святого ключа – неотъемлемый ритуал паломника. В общем, пришла пора собираться на Афон.

3 ноября

Это была уже пятая моя поездка. Последнее время я приезжал сюда ежегодно. Набраться сил на следующий год. Сложно объяснить, что со мной здесь происходило. Всякий раз, как только с парома открывался вид на величественную Святую Гору, чья вершина почти всегда закрыта облаками, я чувствовал, что возвращаюсь домой. Я именно возвращался. Как блудный сын возвращался к Отцу – покаяться, замолить грехи и получить прощение.

Мне нравились долгие службы с византийским распевом, скудная постная еда из хлеба, овощей и оливок под терпкое монастырское вино, общение с такими же, как я, паломниками, приезжающими сюда каждый со своей выстраданной просьбой.

Люди, с которыми меня сводила судьба на Афоне, – отдельная тема. Здесь никто не оказывался случайно. И не бывало случайных встреч. За каждой стояла удивительная судьба, уникальный путь к Богу, а нередко и чудо. Послушав многочисленные истории об афонских чудесах, поневоле уверуешь. Со мной тоже в каждую поездку обязательно происходило что-то необычное.

Помню, мой первый приезд состоялся через несколько месяцев после поездки на остров Керкиру. Мы ездили туда всей семьей поблагодарить святого Спиридона за помощь в обретении пятикомнатной квартиры. Обретении, на мой взгляд, совершенно чудесном, но об этом позже.

На Афоне было десятка два монастырей и еще больше скитов и келий. Они посвящены разным святым: пророку Илье, апостолам Павлу и Андрею, великомученику Пантелеимону. Только моему любимому святому Спиридону не было. И я немного огорчился, потому что ему мне особенно хотелось поклониться.

В последний день той поездки во время трапезы в Пантелеимоновом монастыре я познакомился с двумя паломниками из России. Они собирались пройти по берегу моря до Йованницы, пристани сербского монастыря Хиландар, и посетить расположенную недалеко келью святого Спиридона, где подвизались русские монахи. Я напросился к ним в компанию.

Так я узнал, что на Афоне есть келья, посвященная моему любимому святому. Здесь меня научили молиться по четкам и правильно читать Иисусову молитву. А еще в келье хранились частицы мощей святого, поклонением которым и завершилось мое первое паломничество на Святую Гору. Вот так святой Спиридон чудесным образом призвал меня к себе и затем проводил домой. С тех пор, приезжая сюда, я неизменно заканчиваю поездку посещением его кельи. Я чувствую себя здесь как дома. И братья-монахи мне тоже совсем родные.

4 ноября

На Афон я всегда приезжал с какой-нибудь серьезной просьбой. То помолиться о здоровье мамы, которой предстояла сложная операция, то о поступлении сына в заграничный вуз, а чуть позже – чтобы у меня хватило средств оплатить его учебу в этом вузе. Просить Господа всегда есть о чем.

Я твердо верил, что мои афонские просьбы доходят до Него. Потому что они исполнялись. Все. Мама поправилась, сын поступил и окончил вуз в Сингапуре. И откуда-то взялись деньги на его обучение, хотя я не предпринимал для этого никаких сверхусилий. Это были настоящие чудеса, явленные Господом в том числе и по моим скромным, но искренним молитвам.

И вот теперь я ехал просить о сохранении своего брака. Для меня это был чуть ли не вопрос жизни и смерти. Ведь больше просить было некого. Втайне я рассчитывал на чудо. И оно будет. И не одно. Эта поездка станет одним из самых памятных событий моей жизни и самым ярким опытом общения с Богом.

На Афоне есть обычай всегда принимать одинокого странника. Даже если он придет, когда монастырь уже закроют на ночь. Существует поверье, что так Христос проверяет соблюдение монахами заповеди «если вы что-то сделали одному из братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25:35–36, 40).

По поводу этой заповеди сложено много притч. И даже есть короткий фильм на русском языке. Как одна женщина, считавшая себя благочестивой, хотела встретиться с Богом. И однажды Он сказал, что придет завтра. Женщина наготовила вкусностей, накрыла стол и стала ждать.

И с этого обильного стола сначала у нее попросил мальчик, потом сосед-алкаш, потом нищенка с младенцем. И всех она прогнала. Мол, не мешайте мне, это все для очень важного гостя. Так прошел день. А вечером, стоя перед иконой Спасителя, она упрекнула Его:

– Что же ты, Господи, не пришел ко мне. Я тебя так ждала!

– Как же не пришел, – был ей ответ, – целых три раза приходил. Да только ты Меня не признала.

Простая притча. И заповедь простая. Вообще все евангельские заповеди очень просты. Только жить по ним трудно. Мне хватило одного случая, чтобы узнать реальную цену своим рассуждениям о щедрости, праведности и благочестии. Произошел этот случай на Афоне, в мою последнюю поездку.

6 ноября

В одном из монастырей мне отвели на ночь просторную келью на шестерых. Я был в числе последних паломников, пришедших почти к закрытию монастыря. Быстро темнело. Я был уверен, что буду ночевать один, но только собрался лечь, как в келью вошел человек. На вид лет пятьдесят. В летней, выдавшей виды одежде, почти без вещей, он совсем не походил на паломника с материка. По-гречески говорил с ошибками, сильным акцентом, но бойко и понятно.

Мы разговорились. Выяснилось, что он румын, приехал в Грецию на заработки, работы нет, а на Афоне хотя бы иногда кормят. Но уже не везде и часто прогоняют. Стало понятно, что я имею дело с типичным бомжом, каких на Афоне с каждым годом становилось все больше.

Они ходили от монастыря к монастырю без документов, выдавая себя за паломников, чтобы их покормили и дали ночлег. Вывод я сделал нехитрый: надо держать ухо востро и следить за своими вещами.

Впрочем, сосед мой, производил вполне безобидное впечатление. Рассказывал о своей семье, показывал фотографии детей и на жизнь особо не жаловался. Он спросил только о двух вещах: нет ли у меня лишней пары обуви и ненужного мобильного телефона. Я машинально ответил, что нет, и мы легли спать.

И тут меня осенило. Он спросил о тех двух вещах, которые у меня действительно были. Были видавшие виды запасные ботинки и 15-летней давности телефон, взятый про запас из-за того, что он мог держать заряд в течение недели. Мой смартфон нуждался почти в ежедневной подзарядке, что на Афоне не всегда получалось сделать.

Я вспомнил про бытующее здесь поверье об одиноком Страннике, испытывающем монахов на верность Своим заповедям. И не мог отделаться от мысли, что сейчас подвергаюсь такой же проверке. Упоминание об этих вещах казалось сверхъестественным. Они были действительно старыми, захваченными на всякий случай. Я уже точно не воспользуюсь ими здесь, мне через два дня уезжать. И все же мне было жалко. Я подумал, что и обувь может еще пригодиться, как и какие-то старые контакты в памяти телефона.

Почти час во мне шла внутренняя борьба с собственной жадностью. Чем больше я думал о ситуации, тем больше утверждался в мысли, что это проверка на вшивость. Это же святой Афон, здесь не бывает случайных встреч. Наконец я нашел приемлемый для себя выход. Утром отдам то, что он спрашивал, только заберу сим-карту. На том успокоился и уснул.

7 ноября

Наутро я предвкушал, как возьму и сделаю доброе дело. Даже несколько раз прокрутил в голове картинку, как достаю вещи из рюкзака и торжественно вручаю своему румыну. И тут мой взгляд падает на его кровать. Пусто. И очень аккуратно заправлено. Как будто и не было никого.

Я вышел из кельи, надеясь найти его во дворе. Никого. Его не было ни на завтрак, ни на пристани, куда пришел паром, чтобы отвезти паломников к следующему монастырю. Он просто исчез.

Я уже не сомневался, что ночью в келью заходил не простой румын. И что я не прошел проверку. Проверку двумя ненужными мне старыми вещами. С которыми я пожадничал расстаться. Могу ли я считать себя христианином, если не способен даже на такую малость?

Эти мысли не выходили у меня из головы оставшиеся два дня. Осознание морального падения угнетало настолько, что при первой же возможности я исповедал его духовнику ближайшего монастыря. Он, впрочем, снисходительно отнесся к моему признанию, заметив, что все мы несовершенны. Слабое утешение, как ни крути.

Мы столкнулись на пароме, который должен был отвезти меня на материк. Я поднимался на борт, а он сходил на пристань. Остановка длилась пару минут. Лезть в рюкзак некогда. Я выудил из кошелька 50 евро и протянул ему:

– Возьми, пожалуйста, это тебе на обувь и на телефон. – Я знал, что этих денег хватит и на то, и на другое.

Он ничего не сказал. Он ответил мне взглядом. В нем отразилась такая гамма эмоций, что описать ее словами невозможно. Здесь было все – и удивление, и благодарность, и радость от внезапного чуда.

Чудо случилось с нами обоими. С румыном – потому, что он получил то, что просил. Не от меня. От Бога. Хотя и из моих рук. Чудо, произошедшее со мной, заключалось в том, что Господь дал мне второй шанс. Шанс пройти проверку на сострадание, сочувствие к ближнему. И я ее вроде бы прошел. Хотя и не сразу.

8 ноября

В этой поездке на Афон я испытал самое сильное в жизни ощущение близости Бога. Такое сильное, что никто и никогда не сможет убедить меня в том, что Его нет. В моем мире Он есть. Я совсем не рассчитывал на эту близость. Я приехал молиться и каяться в своих грехах. И даже это у меня совсем не сразу вышло.

Обычно я исповедовался в греческих монастырях. Так сложилось после первой исповеди в монастыре Ватопед. Греческим языком я владел на достаточном уровне, чтобы совершить акт покаяния-метанойи. Меня тронул подход греков к исповеди. Это не обычное перечисление грехов, которое часто практикуется в наших храмах, это целая духовная беседа. Каждая моя исповедь длилась на Афоне не менее получаса. Я успевал пересказать духовнику почти всю свою жизнь и все, что накопилось у меня на душе.

В этот раз исповедь в греческом монастыре не складывалась. Как бы не уехать вообще без покаяния. Наверное, и в этом был какой-то промысел. Точно был. Но мне еще предстояло посещение русского монастыря святого Пантелеимона². И я решил исповедоваться в нем.

Исповедь предполагалась на ночной службе. Вечером я основательно готовился, сидя в одиночестве на морском берегу. Легкий плеск волн располагал к сосредоточенному погружению в себя. Сначала я читал покаянный канон, потом подбирал нужные формулировки для исповеди. Записывать свои грехи на листке, как я иногда делал в России, не было смысла. В афонских храмах нет электричества, службы идут при очень небольшом количестве свечей, и в этих потемках просто не удастся ничего прочитать. Я провел на берегу не менее часа, пока не раздался стук в било. Так в монастыре давали сигнал к отбою.

9 ноября

Не помню точно, когда нас подняли на службу. Думаю, часа в два ночи. Было темно и холодно. Мы быстро прошли из гостиницы к храму, подсвечивая себе дорогу карманными фонариками. В храме уже собрались паломники. В тусклом свете свечей едва можно было различить колонны и скамьи-стасидии. Монотонный голос читал часы. А нужно еще отыскать место, где монастырский духовник принимал исповедь.

Нашел я его часа через полтора после начала службы, практически на солее, за одной из колонн чуть правее Царских врат. Туда уже тянулась длинная очередь. И хорошо, что длинная. Спешить мне некуда. Даже успею еще помолиться и вспомнить все, что я заучил на берегу. Я боялся только, что мне не хватит времени все высказать или вдруг забуду что-нибудь важное.

Наконец подошел мой черед. Я зашел за колонну. На низенькой табуретке сидел небольшого росточка старец с длинной седой бородой. Чтобы не нависать над ним с высоты моего роста, я опустил на колени и склонился головой почти до земли. «Слушаю тебя, сын мой», – едва слышно проговорил он.

И тут случилось то, чего я никак и ничем не могу объяснить. Обычно я довольно уверенно перечисляю свои прегрешения, стараюсь констатировать факты и не оправдываться. Весь список я уже много раз прокрутил в голове и собирался изложить его самым подробным образом. И вдруг я почувствовал, что не могу произнести ни слова. Я стоял на коленях перед старцем будто онемевший. Старец тоже молчал. Прошла, казалось, целая вечность. Только слезы текли по моим щекам.

И я чувствовал, что все мои слова превратились сейчас в эти слезы. Слезы раскаяния. Раскаяния в больших и малых грехах, содеянных за двадцать лет моего брака. Эти грехи вытекали из меня со слезами, которые я не мог, да и не пытался унять.

² В церковной традиции вместо **й** ставится **и**, здесь же делается ударение. – Прим. авт.

Думаю, Господу не нужны были мои слова. Он и так все знал. И дал мне это понять. Старец вдруг ласково погладил меня по голове... и тогда на меня нахлынула такая волна благодати... Будто меня коснулась не ладонь старца, а Его, Божья десница. Чтобы одним легким движением успокоить мою грешную душу.

Я пробормотал что-то невнятное о том, что был плохим мужем, что доставил жене много страданий и что глубоко сожалею об этом. Старец молча выслушал, накрыл меня епитрахилью, произнес разрешительную молитву и вдруг протянул мне небольшой пузырек с елеем для передачи жене: «Иди с миром».

Я уходил, ничего не видя и не слыша вокруг. Ощущение благодати на мне длилось совсем недолго, но запомнил я его навсегда. Это ощущение близости Бога – одно из самых ярких в моей жизни. Потом будет и другое, не менее пронзительное, но о нем в свое время.

На следующий день я покидал Афон. Я возвращался в мир людей. С чувством своего глубокого несовершенства. Но было и другое чувство. Что я не безнадежен. Что Господь помнит обо мне и не даст пропасть.

15 ноября

Вернувшись в Москву, я рассказал ей о том, что пережил на Афоне. Я видел, что мой рассказ ее тронул, и во мне шевельнулась надежда на то, что Господь и на этот раз сотворит чудо.

22 января

И действительно наши отношения улучшились. Мы вместе встретили Новый год и Рождество. Вместе готовили праздничный стол, новогодние подарки. Вместе ездили на рождественскую службу. Мне кажется, тогда все мы надеялись на лучшее. У нас был семейный ритуал, когда каждый из нас благодарил уходящий год за какие-то важные события в своей жизни. И мы все желали себе и друг другу добра, любви, счастья и радости. И не знали, что это наш последний совместный Новый год и последнее семейное Рождество.

15 марта

Через месяц после Рождества я спросил, что она думает о восстановлении прежних отношений.

– А что, собственно, изменилось? – вскинув бровь, спросила она таким тоном, каким учитель отчитывает нерадивого ученика.

Вот так, походя, буквально парой слов был обесценен весь мой молитвенный труд. Ведь она знала о моих паломничествах. О том, куда я езжу и зачем. На Афон вход женщинам запрещен, но в Муром или в Дивеево мы вполне могли бы поехать вместе. Мы делали так раньше. Но в тот год от моего предложения о совместной поездке к Петру и Февронии она отказалась, сославшись на занятость. Все это недвусмысленно говорило, что молиться о том, о чем молился я, она не собирается. И тогда я понял, что чудо, о котором я так молился, невозможно.

Во всех прежних случаях чудеса происходили потому, что люди, о которых я просил у Него, хотели того же. Моя мама хотела исцелиться, сын хотел поступить и окончить вуз. А тут действующие лица, похоже, хотели разного. И Он не мог исполнить мою просьбу наперекор ее желанию, ведь каждому дана свобода воли. И это значит, что наши пути к Нему расходятся. Точнее, уже разошлись.

Невольно я задумался о смысле нашего брака. Точнее, о целесообразности его продолжения. Я гнал от себя эти мысли, находил ей новые и новые оправдания. Получалось плохо. У меня уже не было такого чувства вины, как в начале нашего кризиса. Добрых три четверти этого чувства вышли из меня вместе со слезами покаяния у колен афонского старца.

Правда, оставалась еще одна четверть. И ее тоже нужно было изжить. До конца.

14 апреля

Прошел почти год. Становилось только хуже. Если раньше она могла вернуться домой после полуночи, то теперь все чаще вообще не приезжала ночевать вообще. Сначала говорила, что останется у подруги, а потом и вовсе перестала снисходить до объяснений. Просто ставила перед фактом.

Все дипломатические методы и приемы, которым нас учили на разных тренингах по эффективным переговорам, не работали. На контакт она не шла. Порой казалось, что передо мной непробиваемая, глухая стена. Едва я начинал разговор, как слышал уже хорошо знакомые мне слова: «Я тебя предупредила. Ты не хотел верить. Думал, что я капризничаю. Вот и пожинай теперь». И я снова оказывался в тупике, из которого не видел никакого мирного выхода.

Молитвы не помогали. Пенять было не на кого. Каждому дана свобода воли, и для сохранения брака необходимо обоюдное желание. Иначе никак.

Я чувствовал надвигающуюся депрессию. Сказывалась накопившаяся усталость. Усталость от одиноких ночей, одиноких путешествий, от этого теперь постоянно сопровождавшего меня тотального одиночества. От которого порой хотелось выйти в окно девятого этажа. Я начал терять интерес к своему бизнесу, а это уже грозило серьезными последствиями. Я попробовал использовать это как аргумент в очередном разговоре – не сработало. Мне сообщили, что это мои личные проблемы. С чем я не мог никак согласиться и снова и снова бился об эту стену. Мои душевные силы были на исходе. Случались и раньше в моей жизни кризисы. Но не такого масштаба.

Так я решился на то, что, наверное, надо было сделать намного раньше. Но я считал, что это все не про меня, что я сам справлюсь. Что незачем рассказывать о своих проблемах чужим людям. Я отважился на поход к психологу. Лучше поздно, чем никогда.

Прийти к нему означало раскрыться полностью. Не какие-то там отдельные грехи исповедать. Рассказать про все слабости, про все больные места. И эту цену я был готов заплатить за то, чтобы разобраться, что же с нами происходит.

Глава 4. Кто виноват? Что делать? Дай ответ, психолог!

17 мая

К этому шагу я приступил со свойственной мне обстоятельностью. Психологов было четверо, вернее, два психолога и два коуча. Мне хотелось женского взгляда на ситуацию, поэтому были привлечены все знакомые мне женщины-психологи. С кем-то была пара консультаций. С кем-то началась серьезная и длительная работа.

Не могу сказать, что я сразу получил ответы на свои вопросы. Всех четверых озадачила ситуация сохранения статус-кво при почти полном отсутствии реакции на мои попытки сближения. Мотивы и поведение моей, без пяти минут бывшей, жены никак не вписывались даже в женскую логику моих консультантов. Мы встали на зыбкий путь проб и ошибок, проложенный по твердыне науки психологии.

Состоял этот путь в тестировании различных сценариев моего поведения в расчете на то, что какой-нибудь из них даст реакцию. Параллельно мы исследовали мои личные внутренние барьеры и потребности в отношениях.

Я возвращался в далекое прошлое, когда наши отношения только начинались, видел свои и наши общие ошибки. Мы многого не проговаривали и многое боялись обсуждать. Боялись ранить друг друга. Я вдруг увидел, как все эти недоговоренности заледенели в огромный айсберг, верхушку которого я принимал за наши отношения. В целом мирные и стабильные. Но под водой в это время колыхалась гигантская глыба нерешенных и замалчиваемых проблем. Я не знал, как к ней подступиться. И не чувствовал в себе сил ее растопить.

3 июня

Сеансы продолжались еще три месяца. Были беседы, тесты и домашние задания. Психолог не врач. Он не выдает рецептов, как действовать в тех или иных ситуациях. Его задача – вывести тебя на правильные вопросы. Задать себе правильный вопрос – это уже полдела. Уже на одно это нужны сила и смелость. Еще полдела – на эти вопросы честно ответить. Иногда люди прекращают работу с психологом именно потому, что не нашли в себе таких сил и такой смелости. Наш мозг виртуозно находит объяснения и отговорки, в которые мы с малодушным облегчением верим.

Передо мной вставали неприятные, неудобные, очень болезненные для моего самолюбия вопросы. И приходилось признавать у себя и отсутствие взрослых мужских поступков, и неумение принимать самостоятельные решения, и колоссальное количество внутренних страхов. Несмотря на возраст, бесспорные достижения и жизненный опыт, временами я чувствовал себя таким жалким, что хотелось провалиться сквозь землю. Так, чтобы меня такого больше никто не видел и не слышал.

Но раз уж я ввязался в эту историю, надо было идти до конца и давиться чашей собственного несовершенства. У меня была цель, ради которой необходимо было пройти через это мучительное знакомство с самим собой. Ни секунды не жалею об этом. Попытка увидеть себя не в обычном ореоле самовлюбленности: умным, талантливым, разносторонним и так далее, а вот таким жалким, ничтожным и несимпатичным типом была очень важной. И принятие себя таким тоже пошло мне на пользу. Оглядываясь сегодня назад, на те сеансы и те крайне негативные ощущения от себя самого, я понимаю, что тогда совершил шаг к любви. Совсем крохотный. Но шаг.

11 июня

Я стал читать книги по психологии отношений, узнавать о моделях поведения, которые формируются у партнеров в ходе семейной жизни и в какой-то момент становятся барьерами, разрушающими взаимопонимание.

Помню, в одной из книг рассказывалось о теории «негативного танца», который партнеры быстро и легко осваивают чуть ли не с самого начала отношений и потом «танцуют» всю жизнь. Смысл его в том, что один из супругов критикует и нападает, а второй защищается или отдалается. Было неприятно открыть для себя, что мы кружились в этом танце почти все двадцать лет. Я вспомнил, как практически во всех конфликтах закрывался от жены и уходил в свою «пещеру».

Образ пещеры был уже из другой книги, «Мужчины с Марса, Женщины с Венеры» американского философа и психолога Джона Грэй³. Он очень точно описывал мое состояние при даже самых мелких неурядицах. Это была именно пещера, глубокая и хорошо оборудованная – библиотекой, мощным компьютером, музыкальной студией, стойкой с гантелями, набором для китайской каллиграфии и многим чем еще. Я мог провести несколько выходных подряд за записью новой песни, монтажом фильма или за изучением нового иностранного языка. У меня всегда находились интересные занятия, которым я умел и любил отдаваться всей душой.

Я понял, что мои многочисленные хобби были той самой пещерой, в которой я укрывался от конфликтов. Укрывался надолго, порой на пару месяцев. Она пыталась вытащить меня оттуда или стать частью моих увлечений. Но я не пускал ее. И сам не спешил выходить. Теперь мне стало ясно, почему мои интересы, которыми она поначалу восхищалась, со временем стали раздражать ее сильнее и сильнее. Я вспомнил, что в последние годы очень нехотя делился с ней своим творчеством. Потому что уже не встречал с ее стороны не то что восторгов, но даже минимального понимания. Только критику.

Уходил я в свою «пещеру» не из злого умысла. Сегодняшнему мне понятно, что так я хотел избежать конфликта. Не желая обижать ее и не умея тактично рассказать о том, что со мной происходит и что я на самом деле чувствую. Я считал, что делиться с ней своими негативными эмоциями – это признак слабости и потому недостойно мужчины. Вместо того чтобы набраться смелости и раскрыться, я загонял свое недовольство «в глупь себя»TM и забирался туда, откуда меня почти невозможно было выкурить.

Это оказалось порочной дипломатией. Взаимное недовольство неумолимо накапливалось. С той лишь разницей, что свое я скрывал, а она раз за разом теряла надежду быть услышанной. И сейчас я платил непомерную цену и за развитие своего кругозора, и за бесчисленные виды спорта, искусства и досуга, которыми я постоянно занимался, и ни одним не смог толком овладеть. Оставалось только удрученно спрашивать себя: «А надо ли было?» Зато теперь я понимал, что она имела в виду, говоря, что я занят только собой. К сожалению, она была права.

19 июня

Много интересных открытий я сделал, прочитав «Пять языков любви» Гэри Чепмена⁴. Открытия были и радостными, и грустными. Радость была в том, что мы любили друг друга и искренне хотели, чтобы другому было хорошо. И говорили друг с другом тоже на языке любви. Грустно, что это были разные языки.

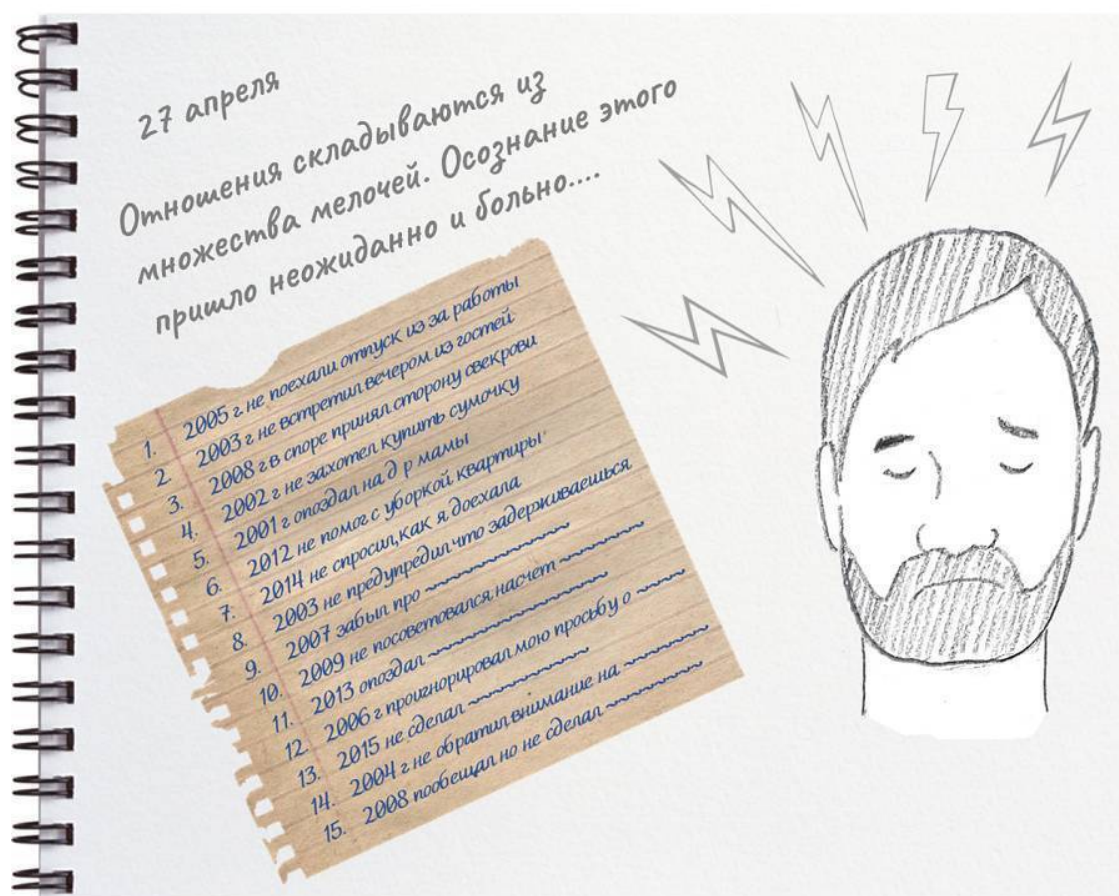
За долгие двадцать лет мы не смогли выучить языков друг друга. Я придумывал и говорил ей много хороших слов, но это были *не те* слова. Она говорила, чего бы ей хотелось от меня услышать. Но почему-то именно эти слова не поворачивался произнести мой хорошо подвешенный язык

³ Грэй Дж. Мужчины с Марса, Женщины с Венеры. – М.: София, 2009.

⁴ Чепмен, Гэри. Пять языков любви : как выразить любовь вашему спутнику / Гэри Чепмен ; [пер. Н. Будиной]. – 22-е изд. – Санкт-Петербург : Библия для всех, 2017.

Это работало и в обратную сторону. Я тоже нечасто слышал от нее слова, которые мне были очень нужны. Особенно в те моменты, когда они были мне нужнее всего. Я считал, что признаваться в том, чего мне не хватало – внимания и одобрения, – недостойно и стыдно. Нужно уметь справляться самому и ни о чем не просить. Мне казалось, что любящее сердце само догадается.

Теперь я понимал, что это тоже было порочной практикой. Ведь никто не телепат. Как ни люби, обо всем все равно не догадаться. Надо больше разговаривать друг с другом. Больше доверять. Но меня никто этому не учил. Точнее так: в тех немногих случаях, когда я открывался кому-то, это работало против меня. В прошлом моя искренность приносила только разочарования. И я приучил себя не открываться. И ей тоже не открывался до конца. Поэтому она и не знала, чего я по-настоящему хочу. Кого теперь винить?

27 июня

Был еще один аспект, который я осознал, но слишком поздно взялся за его развитие. Это эмоциональный интеллект. Об этом я прочитал у Джона Готтмана в «7 принципах счастливого брака или Эмоциональный интеллект в любви»⁵. Он писал, что в 85% браков эмоциональную стену возводят именно мужчины. И это связано с историческим развитием гендерных ролей.

⁵ Готтман Д. 7 принципов счастливого брака, или Эмоциональный интеллект в любви / Д. Готтман – «Эксмо», 1999.

Мужчины при наступлении стресса гораздо дольше остаются в состоянии нервного возбуждения, поэтому они так стремятся избегать конфликтов в браке.

Избегание конфликта любой ценой приводило к формированию этой самой эмоциональной стены. Будучи способным к восприятию тонких движений и склонным к глубокой рефлексии, я совершенно не умел, да и не хотел учиться как-то выражать свои чувства. Мне казалось, что мужчине не пристало проявлять бурные эмоции, даже если есть на то основания. Я не понимал, что времена изменились.

Потом, узнав о существовании, помимо традиционного интеллекта, модного теперь интеллекта эмоционального, я бросился читать книги на эту тему и даже записался на мастер-классы. Я понял, что этот вид интеллекта у меня тоже есть, что я могу развить его и даже несколько в этом преуспел. Но большую часть времени, прожитого в браке, я демонстрировал крайнюю бедность эмоций, в то время как жена в них очень нуждалась.

Неприятным открытием для меня стали тесты из того же Готтмана на знание «карты внутреннего мира» и «карты любви» своего партнера. Я прошел их крайне скверно, не ответив даже на половину вопросов. Было очевидно, что я плохо знал мир женщины, которую любил. Это полностью подтверждалось практикой. Если бы я знал его (или удосужился бы им хоть раз поинтересоваться), может, и не пришлось бы сейчас проходить эти тесты. Кризис случился не год назад. Намного раньше. Я откровенно проморгал его.

Во всех этих замечательных книгах по психологии содержалось и много полезных советов о том, как вернуть в отношения прежнюю любовь и нежность. Были даже задания на каждый день. Например, не говорить партнеру ни одного дурного слова, совершить хотя бы один неожиданный жест проявления любви, спросить, чем ее порадовать.

Советы были очевидны, и многие из них я уже испробовал. Но безрезультатно. Думаю, дело не в том, что советы оказались плохи. Скорее, я просто упустил момент, когда они могли сработать. И я жалел, что не прочитал этих книг раньше. И понимал, что жалею совершенно напрасно. Раз не прочитал тогда, значит, мне не было это нужно. Теперь было поздно. Дорого яичко к Христову дню.

3 июля

Я пересмотрел массу художественных фильмов, посвященных кризису в отношениях. Вездесущий и всезнающий интернет быстро подsunул мне подборку какого-то христианского канала в социальных сетях. Фильмы были в основном американские, романтические и добрые. Америка ведь очень разная, и в ней есть место традиционным ценностям, проявляющимся с особой силой в культуре кантри, которую я очень люблю. Именно за правильную и немного суровую традиционность.

В этих фильмах один из супругов, чаще мужчина, фермер, пожарный или военный, брал на себя бремя возвращения утраченной любви. Он проходил длинный и непростой путь, начавшийся с полного непонимания и неприятия. Но настойчивость героя, его терпение, внимание и такт растапливали лед отчуждения, и в конце концов чудесным образом все его усилия вознаграждались. В таких фильмах всегда был счастливый конец. Любовь возвращалась.

Мне нравились эти сильные и любящие мужчины с традиционными ценностями. Мне хотелось походить на них. Нравилось мечтать о том, что хорошо бы вот таким образом вернуть и нашу потерянную любовь. Огорчало одно. Мечты были крайне непродуктивны. Хорошая половина методов из этих фильмов была уже испробована. Оставшиеся применять было поздно. И все же я любил их смотреть. И иногда посылать ей ссылки на них. Я надеялся, что она увидит и поймет, о чем я мечтаю. Сейчас я уверен, что она даже не открывала эти ссылки.

Посылал я ей и книги по психологии, которые читал сам. Мне хотелось поделиться своими запоздалыми открытиями о том, чего я не сделал в наших отношениях и что теперь хотел бы восполнить. Хотелось, чтобы она поняла, что я уже проделал и продолжаю серьезную работу

над ошибками. Что мне хочется эти ошибки исправить. Немедленно. И я предлагал ей прямо сейчас воплотить какие-то из обретенных мною ноу-хау в нашей нынешней жизни.

Иногда она коротко отвечала, что получила и будет осваивать информацию. Но чаще не отвечала. Мне потребовалось время, чтобы понять, что я напрасно стараюсь, что ей это все неинтересно и нет никакого желания что-то налаживать и возвращать.

10 июля

Я хорошо помню одно из практических упражнений в кабинете психолога. Нужно было сформировать две зоны. Эти зоны были отмечены разложенными на полу листами А4 с надписями «В семье» и «В разводе». Задачей было встать в каждую из зон и представить свои возможные ощущения в ней через три года.

Это упражнение я делал дважды. Первый раз в мае, в самом начале нашей работы, второй – в июле. Сначала я наотрез отказывался вставать в зону развода. То есть я, конечно, вставал в нее, потому что таково было задание. Но быстро выходил. Я не мог себя в ней представить. А через два месяца я не только смог спокойно встать в нее, но и провел в ней какое-то время. По мнению психолога, я провел в зоне развода даже больше времени, чем в зоне семьи. Я не фиксировал время, проведенное в каждой из зон. Но факт был налицо: я допустил мысль о разводе в свою жизнь.

Мысль эта меня совсем не радовала. Я был вынужден допустить ее под давлением двух обстоятельств, которые больше никак не получалось игнорировать. Во-первых, я уже почти не видел плюсов сохранения такой семьи. Дети были достаточно взрослыми и видели наши деградирующие отношения своими глазами. Заботиться о детях можно и в разведенном состоянии. Во-вторых, я не видел никаких признаков того, что сохранение семьи в том виде, как я ее понимал, нужно кому-то, кроме меня. Ей, возможно, хотелось сохранить видимость семьи. Мне же нужна была видимость. Я хотел настоящую семью. Вот только бороться за нее в одиночку у меня больше не было сил. Да и желания тоже почти не осталось.

Глава 5. Один скитаюсь по горам Кавказа

3 августа

Отпуск этим летом мы проводили порознь. Дочь отправили в летний лагерь за границу, жена сказала, что поедет по делам на несколько дней в Казань, а я решил провести две недели в палаточном лагере в Приэльбрусье.

По пути я решил погулять несколько дней в Кисловодске, где снял просторную комнату в гостевом доме. Кисловодск удивительным образом сумел сохранить атмосферу старого русского курорта. Причем, как дореволюционной эпохи, так и эпохи расцвета Советского Союза. Стоял солнечный август, и все эти старые улочки, зеленые парки, санатории и целебные источники погружали меня в детство. Романтическая скала Лермонтова напоминала об уроках литературы и моем увлечении «Героем нашего времени».

Разумеется, я поехал и в Пятигорск, чтобы увидеть места, связанные с любимым поэтом и посетить домик, где он провел свои последние дни. О Лермонтове я могу говорить часами. Потомок шотландских бардов, обладавший несомненным пророческим даром, он всего за несколько лет сумел сделать столько, сколько иным не удается за всю жизнь. И вот, бродя по старинным улочкам, я размышлял о мистической судьбе поэта и его несостоявшейся пророческой миссии.

Я видел в жизни, а скорее даже в смерти двух великих русских поэтов Лермонтова и Пушкина явные параллели. Оба ушли в момент, когда стояли на пороге больших духовных открытий. Но каким-то метафизическим силам очень не хотелось, чтобы эти открытия были совершены. В интриге с Пушкиным приняли участие аж четыре европейских двора. История с Лермонтовым вообще весьма запутанна и противоречива. Я читал много версий трагической дуэли, но не нашел ни одной, которая хоть сколько-нибудь убедительно объясняла ее причины. Повод был откровенно ничтожен, и отсутствие явных интересантов заставляло задуматься о вмешательстве чего-то сверхъестественного. Хотя несомненно и то, что поэт крайне неосторожно обращался со своим огромным талантом. Увы, долгие рассуждения на эту тему не входят в предмет данной книги.

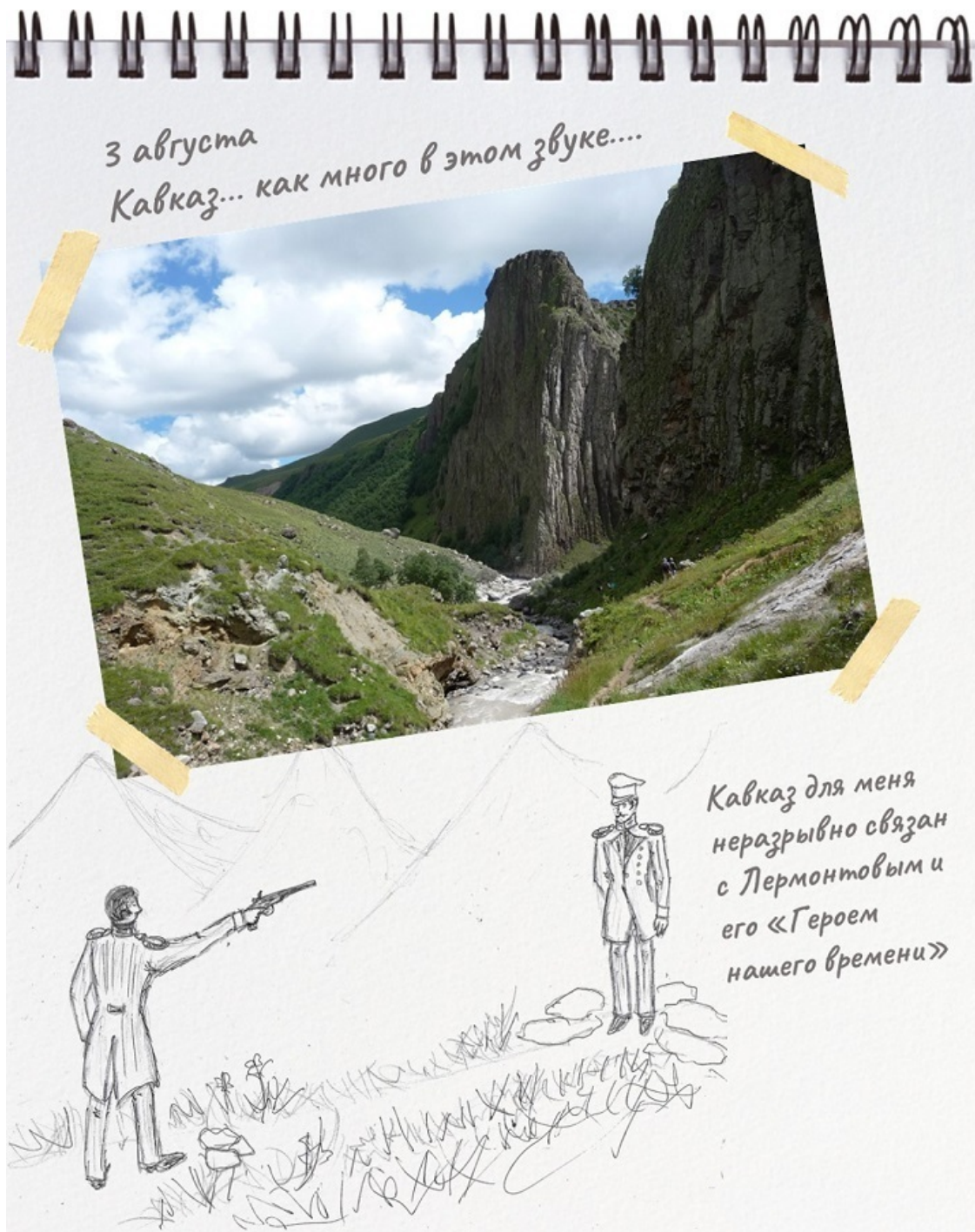
5 августа

В Кавказ я влюбился сразу. Я вообще люблю горы. И здешние места, овеянные легендами о свободолюбивых горцах и рассказами о драматической Кавказской войне, которыми полна русская литература от Александра Марлинского до Лидии Чарской, не могли оставить меня равнодушным.

Мы разбили палаточный лагерь на берегу небольшой горной реки, перейти которую можно было всего в двух местах довольно далеко от нас. Да и то с риском быть унесенным бурным потоком.

По утрам нас будили резкие хлопки. Это пастухи кнутами выгоняли свои стада в горные долины. Наш лагерь стоял прямо на их пути, и я, вылезая на запыленное мычание, частенько сталкивался нос к носу с заплутавшим среди палаток бычком. Кто-то из пастухов быстро находил его, нарочито сурово щелкал кнутом, и бычок суетливо присоединялся к остальному стаду.

Я с удовольствием потягивался, разминая затекшие за ночь в спальнике мышцы, и благоговейно любовался величественной белой вершиной Эльбруса. В любое время суток она была прекрасна. Но по утрам особенно. Казалось, Эльбрус чинно приветствовал меня и желал хорошего дня. Вокруг лагеря сновали шустрые суслики, озабоченные своими важными делами, деловито жужжали шмели, а высоко в небе медленно и торжественно парили орлы. Каждый по-своему начинал день. А нам предстояла очередная прогулка в горы.

7 августа

Горные прогулки – несомненно приятное, но не такое уж простое дело. Здесь требуется хорошая физическая подготовка. Длинные подъемы очень утомляли колени, а пульс порой зашкаливал – хоть я и готовился к походу, выполняя подъемы на ближайшей ко мне горнолыжной трассе в Узком. Вскоре стало понятно, что моя подготовка откровенно слаба. Горные подъемы были намного длиннее и круче.

Очень выручали трекинговые палки, заметно снижавшие нагрузку на ноги, и высокие горные ботинки, защищавшие от мелких камней. И все равно было тяжело. Даже без рюкзака за

плечами. Я завидовал нашему тренеру, который легко, чуть ли не играючи, шел далеко впереди, да еще нес рюкзак одной из наших девушек.

Как-то в середине дня на подъеме нас обогнал поджарый мужчина лет сорока. Его рюкзак, казалось, был раза в полтора больше его самого. Мы спросили, куда он так спешит. Он коротко рассказал, что зарабатывает на жизнь доставкой провизии на стоянки альпинистов высоко в горах. Это уже его третья ходка за день. В полном изумлении мы пожелали ему легкой дороги. Через пару часов он уже бодро спускался нам навстречу, в то время как мы все еще продолжали подъем. Он сказал, что у него еще одна ходка. Для меня этот горный бегун – живой пример человеческих возможностей.

9 августа

Была у меня и вполне конкретная проблема в горных походах. Я панически боялся высоты. Однажды, стоя на стене средневекового городка Обидуш в Португалии, я засмотрелся вниз и вдруг почувствовал почти непреодолимое желание броситься туда. Тогда меня охватил настоящий ужас. Теперь я боялся, что такое может случиться со мной в горах. Боялся и одновременно хотел этот страх преодолеть.

Пару раз на крутых подъемах я испытал этот страх снова. Тренер предложил простой рецепт – никогда не смотреть вниз, а только вверх, либо на конечную точку маршрута, либо на какую-нибудь из промежуточных точек пути. Это сработало. Не сразу, но как только мне удавалось сконцентрировать внимание на какой-то выбранной цели, страх проходил. Вооружившись таким инструментом, я успокоился. Теперь у меня было лекарство от страха.

Горы завораживали своей красотой, но эта красота требовала осторожности и внимания. Горы, как и море, не прощают беспечности и пофигизма. Малейший недосмотр, самонадеянность могут обернуться серьезной бедой. Ежегодно на Эльбрусе остаются десятки людей. Навсегда. Может, это и лучше, чем «от водки и от простуд». И все же...

Поэтому каждый должен быть готовым оказать помощь попавшим в беду. И общий настрой там очень дружеский и кооперативный. Люди, встречаясь на горных тропинках, обязательно здороваются и желают друг другу легкой дороги. Этот обычай мне очень импонировал. Мне нравилось приветствовать встречных путников и желать им всего самого доброго.

Помню, забравшись на трехкилометровую высоту, мы увидели, как рождается горная река. Из ущелья вытекал небольшой ручеек, который буквально на глазах превращался в поток. Мы перешагнули через него и отправились дальше.

Обратно мы возвращались с опозданием. Очень хотелось сфотографироваться в горной долине. Наш поток был уже настолько широким и бурным, что перейти его в том же месте мы не смогли. Пришлось идти вдоль берега около часа в поисках безопасного места для перехода на другой берег. И мы нашли его с большим трудом, уже опасаясь, что застрянем здесь до позднего вечера. Такой оказалась цена получасовой задержки.

10 августа

Наградой нам были удивительные впечатления, красивейшие ущелья и водопады, купание в ледяных источниках. Один из источников, считавшийся целебным, бил метрах в пятистах от нашей базы. Температура в нем круглый год держалась на уровне 3–4 градусов. Я все никак не решался в нем искупаться, но его величество Случай вскоре вынудил меня к этому.

Как-то утром я встал с заложенным носом и першением в горле. Холодные ночи в палатке дали себя знать. Пошел к тренеру. Тот без долгих разговоров повел меня к источнику, велел зайти в него, трижды окунуться с головой и потом что есть духу бежать в лагерь.

Погружение было ошеломительным. Я нырял в ледяную воду после сухой парилки при 100 градусах. Это было очень даже здорово. Но зайти в холодную воду в обычном состоянии...

Дыхание перехватило так, что я мельком подумал, что последний вдох в своей жизни я уже сделал. Но надо было еще три раза нырнуть.

Из источника я выскочил будто ошпаренный жидким льдом. И стремглав понесся в лагерь, где меня уже ждал свежесваренный имбирный чай. Через полчаса я почувствовал, как все тело горит огнем. Меня переполняла энергия, и я был готов сворачивать горы. Благо, их вокруг достаточно.

Потом я еще раз ходил к источнику. Спокойно разделся, залез и даже посидел в воде какое-то время. И так же спокойно вышел. Уже не боялся. Мы с ним поладили. Хотел окунуться в день отъезда на прощание. Но не сложилось.

Итак, я уезжал горячо и навсегда влюбленным в Кавказ. С надеждой приехать сюда снова. С родителями или с детьми. Мой отец студентом начинал здесь заниматься слаломом. Он и поставил меня в семь лет на горные лыжи. До сих пор помню его рассказы про Чегет и Домбай. И песню Юрия Визбора. «Лыжи у печки стоят, гаснет закат за горой...» Хорошо бы привезти папу сюда снова.

12 августа

Московская квартира устроила мне неприятный сюрприз. Меня никто не ждал. Дочь на каникулах, сын на даче у друга, жена неизвестно где. Впервые в жизни меня дома никто не встречал.

Хотя нет, я не совсем прав. Меня встречали два жирных жизнерадостных рыжих таракана на кухне. Этой нечисти у нас не было очень давно. Мы все следили за чистотой и поддерживали порядок так, чтобы они не заводились. И их появление стало для меня предвестником моего личного апокалипсиса.

Созерцание родного дома, встретившего меня отсутствием хозяйки, какой-то холодной, нежилой пустотой и тараканами вдруг переполнило меня таким дремучим бешенством, что я едва не начал крушить все вокруг саперной лопаткой из рюкзака. Но дом ведь не виноват.

Обидней всего было то, что меня никто не предупредил, что дом стоит пустой. С женой я общался во время поездки и написал, когда приеду. А она почему-то не сообщила о своем отсутствии. От всего этого было откровенно тошно.

Я написал ей, что вернулся. Из ответного сообщения узнал, что она в Питере. Посидел, подумал, и отстучал еще одно послание, очень постаравшись, чтобы оно получилось максимально нейтральным. Всего три или четыре фразы. Что я больше не могу так жить, что нужно что-то решать, что либо мы пробуем наладить наши отношения, либо разводимся. Впервые я разрешил себе произнести слово «развод». Осознанно и прямо.

Хотя статус-кво в наших отношениях будет сохраняться еще около полутора месяцев, возвращение в пустую квартиру стало тем спусковым крючком, который освободил сжатую почти до предела пружину моего терпения. Эта пружина очень скоро начнет раскручиваться, быстро и необратимо приближая конец нашего брака.

5 сентября

С женой мы увиделись в конце августа. В аэропорту, в зоне прилета, где я встречал дочь после каникул. Мы не виделись ровно месяц. Встреча вышла натянутой. Я вел себя подчеркнуто сдержанно. И только голос мой звучал недовольно. Она вела себя как ни в чем не бывало и как бы не замечая моего тона. Хотя уверен, все она прекрасно заметила.

Конечно, по отношению к дочери мы должны были выглядеть любящими родителями. Мы и были такими. Каждый по-своему. Мы приехали вместе домой, начали готовить ужин, слушая ее восторженные рассказы о купании в море, парке аттракционов и разных веселых ситуациях, которыми всегда полны детские каникулы. Потом сели за стол. Всей семьей. Идиллия!

Как мне хотелось, чтобы все это было правдой! Чтобы не было ни этого ее месячного отсутствия, ни глухой стены, разделившей нас, ни этой игры в дружную семью. Увы, реальность была совсем другой. Я чувствовал, что пружина внутри меня уже начинает свой неуклонный обратный ход. И я из последних сил пытался удержать ее. Если не совсем от движения, то хотя бы от разрушительной скорости. Уже не ради себя. Ради детей.

Жена побыла дома недолго. Были еще хлопоты по подготовке к школе, торжественная линейка 1 сентября и празднование начала учебного года. А в выходные она опять уехала. Сказала, что ей надо работать. И я остался один. Хотя нет. Не один. Со мной были мои дети.

Глава 6. Как ни старайся, а бывает поздно

25 сентября

После возвращения с Кавказа мое отношение ко всему, что с нами происходило, радикально изменилось. Мне больше не хотелось быть «белым и пушистым», играть в дипломатию и делать вид, что меня все устраивает. Внешне я был спокоен и продолжал вести себя как раньше. Но во мне шла напряженная работа. Я готовился к серьезным шагам. И хотел сделать их максимально корректно и правильно.

Консультации с психологом продолжались. Только теперь к ним добавились еще и консультации с юристом. Я долго боялся произнести слово «развод». Потому что такими словами шутить нельзя. И раз уж оно произнесено, надо было понимать и представлять себе все возможные последствия. Развода я по-прежнему не хотел. Но теперь он остался для меня последним аргументом. И пускать его в ход можно было только тогда, когда реально к нему готов. Поэтому приходилось готовиться.

Теперь предстояла последняя и самая сложная стадия борьбы за мой брак. Она предполагала не очень приятные мне аргументы и меры. Крайние меры. Я взвешивал и выверял каждый свой шаг. Советовался со своими консультантами, обдумывал, принимал решения, затем действовал.

В середине сентября я отправил жене письмо по электронной почте. На этом этапе я все свои шаги решил документально фиксировать перепиской. На всякий случай. Я перечислил условия, на которых готов продолжить наши отношения. Их было восемь, и все они касались возвращения к совместной жизни: совместные поездки в отпуск, совместный досуг, совместное посещение храма, совместный поиск путей выхода из создавшегося положения. Вплоть до совместного визита к психологу и духовнику. Слово «совместный» звучало в каждом пункте. И пункт о совместном управлении семейным бюджетом тоже был. В конце письма я предложил ей высказать свои предложения. Я ждал ответа неделю. Не дождался.

Жизнь продолжала идти так, как будто никакого письма не было. Она не обращала внимания ни на мои слова, ни на мои действия. Порой это бесило. Мне стоило немалых усилий сдерживать себя, не проявлять негативных эмоций, особенно при детях, и продолжать выдерживать свою линию. Думаю, без психолога я бы не справился.

На следующем сеансе мы обсудили реакцию на письмо. Точнее, ее отсутствие. Объяснить это было сложно, ведь речь шла об очень серьезных вещах. Казалось, она не принимала всего этого всерьез. Нужно было найти способ продемонстрировать ей эту серьезность. Наглядный и убедительный.

Выяснилось, что это нетривиальная задача. Я думал над ней неделю. И ничего не мог придумать путного. Во многом потому, что многие способы уже были испробованы и результаты не дали. И все-таки способ был. В моем представлении он был ужасен. Именно так я и понял, что нашел именно то, что искал.

22 октября

Снять предмет моей гордости, большое золотое обручальное кольцо оказалось совсем не просто. За 20 лет семейной жизни я ни разу его не снимал. Даже в бане. И за эти годы оно как бы приросло ко мне, стало частью меня. И, конечно, оно не хотело сниматься. Никак. Это кольцо как будто было создано, чтобы его носили вечно. А теперь вопреки всем законам мироздания я хотел его снять. Насильно. Против его собственного желания.

Кольцо сопротивлялось. Сначала оно вообще не хотело двигаться. Пришлось как следует помассировать палец, чтобы оно начало хоть как-то поддаваться. Потом оно отказалось проходить через среднюю фалангу. И пришлось снова долго и упорно массировать палец. Потом я

грел палец под горячей водой, намыливал, повторял эту процедуру несколько раз. Ничего не помогало.

Я даже говорил с кольцом. Говорил, как с живым существом, объясняя причины, которые побудили меня совершить над ним такое кощунственное действие. Обещал, что я надену его, как только мы вернемся к совместной жизни. С четвертой или пятой попытки мне наконец удалось его снять. Я положил кольцо в шкатулку с запонками и убрал ее в ящик письменного стола. Убрал недалеко, в надежде, что скоро снова понадобится.

Заметила она отсутствие кольца или нет, я не знаю. Думаю, что для нее это уже не имело значения. Она ничего не изменила в своем поведении. Еще через неделю я понял, что пора готовиться к решающему разговору, после которого дороги назад уже не будет.

Морально к такому исходу я был готов. Я шел к нему три месяца, постепенно свыкаясь с его необходимостью. Сложность состояла еще и в том, что у нас был не просто брак, а брак церковный. «Что Бог сочел, человек да не разлучит». Следовательно, одного моего решения тут недостаточно. На это должна была быть и Его воля.

25 октября

«Батюшка, я не могу дальше так, – признался я своему духовному отцу, – я уже все испробовал и все, что мог, предложил ей. Никакой реакции. Я даже кольцо снял. Она не идет на контакт. Я всерьез думаю о разводе».

Батюшка тяжело вздохнул. Он знал нас обоих без малого двадцать лет. Мы были его духовными детьми. Он венчал нас, и практически вся наша семейная жизнь проходила у него на глазах. Знал все наши самые мелкие грехи и помыслы и всегда поддерживал во всех трудностях. И детей наших знал тоже. Я ему очень верил. И верил Богу в его лице, когда приходил на исповедь.

Я знал людей, которые стыдились или стеснялись исповедоваться священнику. «Как можно рассказывать о сокровенных вещах чужому человеку? – говорили они, – да и что чужой человек может понять?» Я и сам так думал в начале своей церковной жизни. Потом, спустя годы, я понял, что на исповеди у священника очень непростая роль. Надев епитрахиль, он как бы превращается в канал общения с Богом. И все слова, которые он произносит в этот момент, он произносит не от себя. Они от Бога.

С некоторых пор я твердо верил в это. Потому что на исповеди я иногда слышал такие вещи, которые обычному человеку, пусть и священнику, просто так не придут в голову. Иногда они даже противоречили нашим традиционным взглядам на правильную жизнь. Но Божья правда непостижима. Как непостижим сам Бог. И потому я старался не объяснять себе того, что услышал, а исполнять. В меру сил и своего разумения.

Так, например, на исповеди мне подали идею начать свой бизнес. Это было 15 лет назад. У меня тогда был серьезный жизненный кризис. Меня впервые в жизни уволили. Именно тогда я начал ходить в храм и молиться. И однажды священник сказал мне: «А зачем вам работать на дядю? Начните свой бизнес». Сначала я отнесся к этой идее как к совершенно фантастической и неисполнимой. Какой из меня бизнесмен? У меня к этому нет никаких склонностей. Но время шло, и постепенно события моей жизни привели меня к тому, чтобы открыть собственную компанию. Это случилось через восемь лет.

С тех пор ни одно из важных жизненных решений я не принимал без благословения духовника. И не делал того, на что благословения не было. И теперь я пришел за благословением. Не столько, правда, на развод – мне было известно, что церковь против разводов. Я хотел спросить, могу ли я вступить в новый брак. После того, как, по моему мнению, исчерпал все силы и возможности сохранить старый. Если бы батюшка велел мне терпеть и смиряться, как говорил до этого, я бы продолжал терпеть и смиряться. Как делал до этого.

Но он сказал совсем другое. И был, как всегда, краток: «Ваш брак утратил смысл еще несколько лет назад. Ты не должен был доводить до этого. Сейчас ты вряд ли что-то починишь... Если найдешь хорошую женщину, я вас повенчаю».

Не могу сказать, что я испытал большое облегчение. Хотя оно было. Только было еще и очень грустно. От констатации свыше, что уже ничего не починишь. И это конец. Я не смог сохранить свой брак. Я чувствовал, что потерпел фиаско. Полное. И сознавать это было не просто грустно. Больно.

29 октября

Я решил не откладывать разговор. Предложил встретиться, погулять в Коломенском и во время прогулки вновь попытался изложить свою позицию. Сказал, что так дальше не могу, не хочу и не буду. Мне нужна полноценная семья. Если она не согласна со мной, то тогда я буду думать о разводе и создании новой семьи.

Защитные механизмы психики стерли из памяти многие детали. Не хочется вспоминать сказанные тогда слова. Скажу только, что она поняла серьезность моих намерений. Но своей позиции осталась верна. Обсуждать мои предложения не стала, а сконцентрировала разговор на детях. Логика здесь была проста: мое решение создать новую семью характеризовало меня как безответственного отца, которому наплевать на детей.

Трудно было найти тему больнее. Детей я любил и проводил с ними много времени. Особенно с дочкой, сын в тот момент уже устроился на свою первую в жизни работу. Он все понял про нас еще год назад. Дочке будет сложнее. Я очень много передумал, прежде чем прийти в этот парк. И все же я предпринял очередную, совершенно отчаянную попытку вывести разговор в конструктивное русло. Я опять обратился к ней, давая понять, что мое решение не окончательное, и я все еще настроен на диалог:

– Ты говоришь о доверии, которого у тебя больше нет ко мне. Мне бы очень хотелось его вернуть. Скажи, что я должен сделать для этого?

– Так это работать не будет, – ответила она после некоторого молчания. – Если я скажу, то все будет слишком просто. Тебе надо дойти самому.

Что я мог ответить? Как реагировать? Полтора года назад, в начале нашего кризиса я отнесся к ее словам о доверии очень ответственно и серьезно. Сейчас, после многочисленных и безрезультатных попыток дойти до этого сначала самому, потом с помощью психологов, наконец, с помощью Бога, эти ее слова воспринимались мной как откровенная манипуляция. Они заводили наш разговор в очередной тупик. Тупик, в котором я еще должен был чувствовать себя виноватым.

Надежда на взаимопонимания таяла на глазах. Я собрался с духом и озвучил ей свою позицию по поводу детей:

– Дети взрослые и все прекрасно понимают. Нет смысла разыгрывать для них видимость отношений, которых давно нет. Я все равно остаюсь их отцом и буду заботиться о них дальше, как заботился все эти годы.

– А я считаю, – последовал колкий ответ, – что ты их совсем не любишь.

Я не стал возражать. Эти слова звучали сегодня не раз. Из курса эффективных переговоров, которые я когда-то проходил, будучи генеральным директором, я знал, что такой метод называется «заезженная пластинка». И спорить здесь бесполезно.

Мы расстались на автобусной остановке. Дальше я пошел пешком до ближайшего метро, чтобы ехать домой. Она осталась ждать автобуса, чтобы ехать на свою «работу». «Жаль, – сказал я на прощанье. – Мне хотелось, чтобы наш разговор закончился по-другому».

Я все еще оставлял дверь открытой. Ответом мне было молчание.

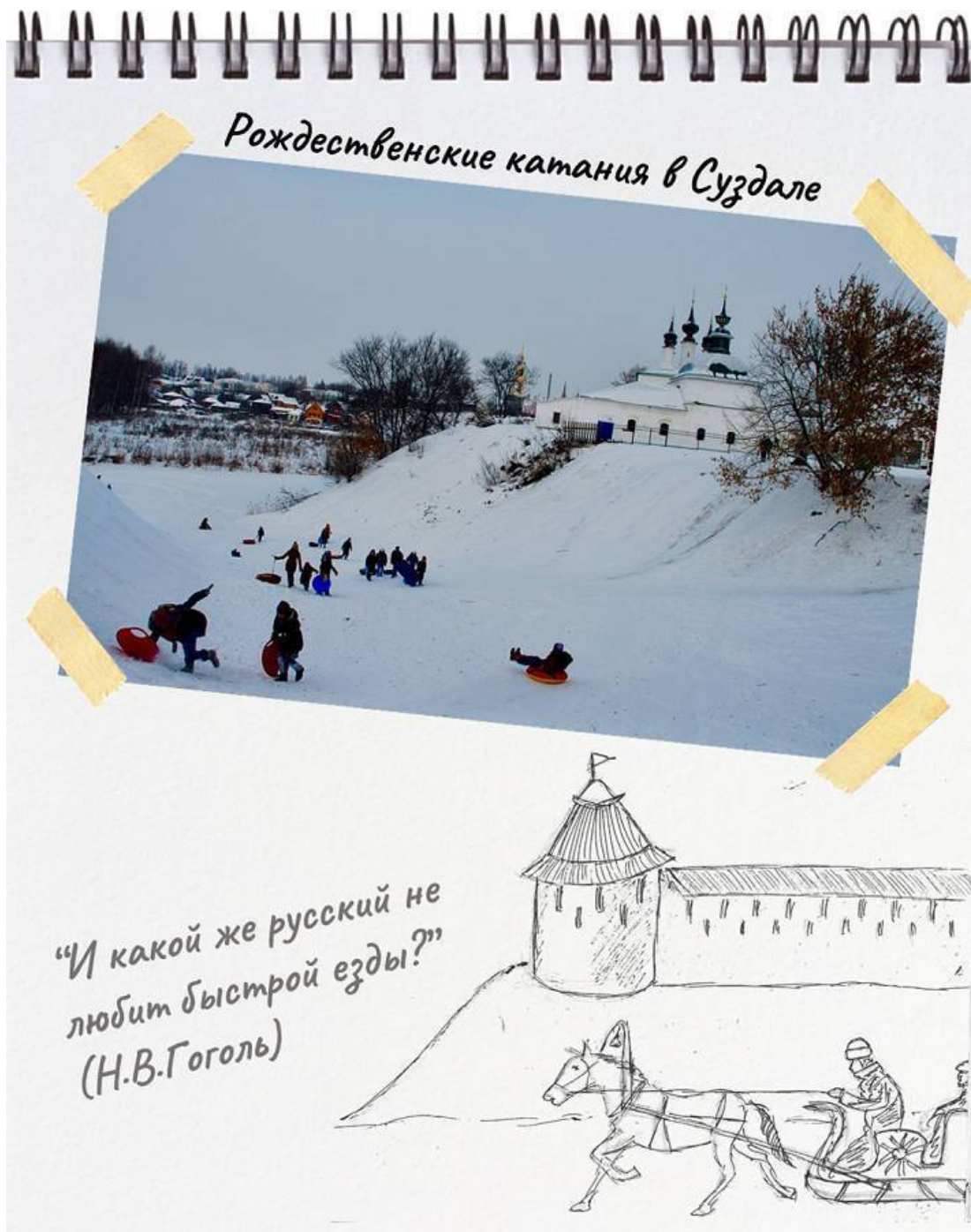
12 января

Это оказался наш последний мирный разговор. Через неделю она сообщила, что готова на развод, но хочет финансовую компенсацию. Была названа сумма, которую я всего один раз в жизни очень недолго держал в руках во время продажи нашей квартиры. Я ответил, что с удовольствием выплатил бы ее, но такой суммы у меня нет. А заработать ее в условиях кризиса я смогу в лучшем случае лет через семь. Она не поверила. Конструктивного разговора не вышло.

Дальше все происходило быстро. Пружина конфликта раскручивалась стремительно и драматично. Это был самый жесткий сценарий, который я только мог себе представить. В нашем некогда мирном и уютном доме разыгрывалась настоящая война. С обидными словами, давлением, угрозами, очень большой для меня встречей Нового года, когда она забрала дочь и уехала праздновать к подруге. Я сполна узнал цену народной мудрости «хочешь узнать человека, разведись с ним».

Я очень любил рождественские каникулы. Раньше мы всей семьей проводили их в каком-нибудь доме отдыха, где был лес, катание с горки, игры в снежки, коньки и лыжи. Мокрая одежда, которая сушится во всех комнатах на батареях. Вечером банька. Однажды мы встретили незабываемое Рождество в Суздале, там ко всем перечисленным радостям добавились катания с валов древнего кремля, сани на тройках и холодная перцовка вприкуску с копченым судаком на рыночной площади.

Мы всегда говели, читали вслух рождественские отрывки из Евангелия и рассказы русских писателей, ходили на ночную службу. Поутру ели рождественского гуся и лезли под елку за рождественскими подарками. Настоящий праздник, которого все с нетерпением ждали, и который мы сами себе устраивали каждый год.

В этот раз никакого праздника не было. Ни лыж, ни коньков, ни гуся, ни подарков. Все каникулы мы практически не общались. В доме царила тяжелая атмосфера надвигающейся катастрофы. И взрослые, и дети старались уйти, кто куда мог и когда мог. Мы встретились с женой на рождественской службе. Оба разными путями приехали на исповедь к нашему духовнику.

Сначала исповедовалась она, потом я. Батюшка тогда сказал мне: «Не предпринимай ничего сам. Пусть она сделает первый шаг». И накрыл меня епитрахилью.

Не знаю, что тогда произошло с нами, но это казалось настоящим чудом. После службы она подошла ко мне, попросила прощения и поцеловала. И я в ответ попросил прощения и тоже ее поцеловал. Мы вернулись домой и как-то наскоро собрали праздничный стол. Она

говорила, что независимо от дальнейшего развития событий я останусь для нее самым близким человеком, что нам надо сохранить теплые отношения, насколько возможно. Мы даже договорились о подготовке мирового соглашения. И я просто представить тогда не мог, насколько чужими мы станем друг другу всего через несколько месяцев.

3 февраля

Перемирие оказалось недолгим. Я не знаю, что это было на самом деле: действительно ли чудо, когда Господь решил подарить еще один шанс все выправить, или попытка с ее стороны выиграть время. Мне хочется верить в чудо. Великий праздник Рождества Христова наша семья провела в мире и спокойствии. Ссориться в такой праздник было бы тяжким грехом.

А еще я лишний раз убедился в бесконечной мудрости Божьей. Его совет не предпринимать ничего самому был настолько правильным и своевременным, что я до сих признателен и Ему, и своему духовному отцу. За то, что отвели от меня грех ответственности за последующие события. Я не знаю, как бы я нес его сейчас в себе и сколько бы мне пришлось еще каяться в иницировании бракоразводного процесса, повлекшего тяжелейшие последствия для благосостояния и здоровья членов нашей семьи. Я безмерно благодарен Господу за возможность пройти через это испытание со спокойной душой и чистой совестью.

В моей личной человеческой истории есть только одна черная дата – 3 февраля. В этот день я получил по почте от любимой женщины несколько исков, включая развод, раздел имущества и выплату алиментов за несколько лет. Иск о разделе имущества был очень длинным, с перечислением активов на огромные, по моим меркам, суммы, которыми я не располагал. Еще она сообщила, что выставила нашу квартиру на продажу.

Это был нож в спину. Я-то пребывал в уверенности, что мы спокойно начнем обсуждать мировое соглашение. Попытки поговорить с ней оказались бесполезны. Она заявила, что не любит меня, не хочет со мной жить и требовала немедленного разъезда. Мировое соглашение обещала подписать только в случае выплаты мной обозначенной в иске суммы.

3 февраля стало датой начала нашей войны. Войны людей, которые двадцать лет назад поклялись любить друг друга вечно и быть друг с другом в горе и в радости.

* * *

Я не буду здесь описывать суд. Хотя ему можно было бы посвятить отдельную главу. Скажу только, что суд тянулся ровно год. С бесконечными заседаниями, адвокатами, свидетелями и прениями сторон.

В поисках обоснований своих непомерно высоких финансовых требований ее адвокат делал постоянные запросы в банки, страховые компании и налоговые органы. Сначала за отдельные периоды, потом за все двадцать лет. Больно было видеть, как любимая женщина последовательно и жестко пытается выжать деньги, которых у меня не было. И как искажались ее адвокатом в угоду изначально выбранной линии подробности нашей с ней жизни. Все это казалось каким-то сюрреалистическим цирком. Я без особой надежды предпринял еще несколько попыток примирения. Напрасно. Она не верила мне. И общалась в безапелляционно ультимативном тоне.

Я не узнавал ее в зале суда. Вроде те же черты лица, та же походка, движения. Только глаза и голос чужие. Совсем чужие. Она видела во мне врага. А я продолжал любить ее. И даже жалеть.

«Я хочу завершить этот процесс мирно, по-христиански, – сказал я на исповеди, – но не знаю как. У меня нет таких денег. Мне остается молить Господа о справедливом суде. Я готов верить Ему свою судьбу и сделать так, как Он скажет».

Батюшка молчал. Он вообще немногословный. И строгий. Я ждал с замиранием сердца. Потому что верил, что сейчас через него со мной будет говорить Господь. И вовсе не факт, что мне понравятся Его слова. А ведь придется исполнить все, что Он скажет. Абсолютно все. Велит отдать квартиру, и надо будет отдать. Ведь это будет Его, Божий суд. Я продолжал ждать. А батюшка все молчал.

«Защищайся, как можешь, – промолвил он наконец густым и четким баритоном, – найди хорошего адвоката и не сдавайся».

И тут я понял, что у меня развязаны руки. И я защищался, не жалея ни сил, ни времени, ни средств. Адвокат у меня был опытный и хорошо знавший бракоразводное дело. Я выполнял все его рекомендации. Для этого пришлось забыть и про любовь, и про жалость, и про порядочность. Это было очень нелегко, но я понимал, что идет война. Война, в которой по отношению ко мне ни разу не было проявлено ни жалости, ни снисхождения.

В итоге судья склонился к позиции, разработанной моим адвокатом, и принял решение, которое меня полностью устраивало. Ее адвокат подал апелляцию, но не предоставил вовремя обоснования. Решение суда вступило в силу ровно через год и две недели после его начала.

Я не испытывал радости. Хотя определенно чувствовал удовлетворение. Ведь для меня это был не просто суд, а Божий суд. И решение суда я считал справедливым. Ведь это было Его решение. А в Его справедливости я не сомневался ни секунды.

Но помимо удовлетворения была еще боль. Боль утраты. Я понял, что пока тянулся процесс, из моей жизни уходила женщина, которую я любил многие годы. Я продолжал ее любить и сейчас, но знал, что ее больше нет в этом мире. В зале суда сидела совсем другая женщина, жестокая, холодная и чужая. А моя любимая ушла. Ушла далеко в прошлое. И больше никогда не вернется.

Часть 2. Ошибки совершать не сложно, но тяжелее исправлять

Глава 1. В жизни даже жесткие удары надо благодарно принимать

25 мая

Я сидел за пианино и играл. Пианино оставалось едва ли не единственным еще не упакованным предметом в доме, сплошь заставленном большими коробками с надписью «переезд». Мы разъезжались.

Пятикомнатную квартиру, которую теперь предстояло покинуть, я считал своим детищем. Проект по улучшению наших жилищных условий занял почти пять лет. Я до сих пор считаю это настоящим чудом. То, как нам удалось переехать из 50-метровой двушки в 100-метровую квартиру, фактически соединенные трешку и однушку с двумя санузлами и тремя лоджиями. В десяти минутах ходьбы до огромного парка и в двух шагах от метро. Это была квартира моей мечты.

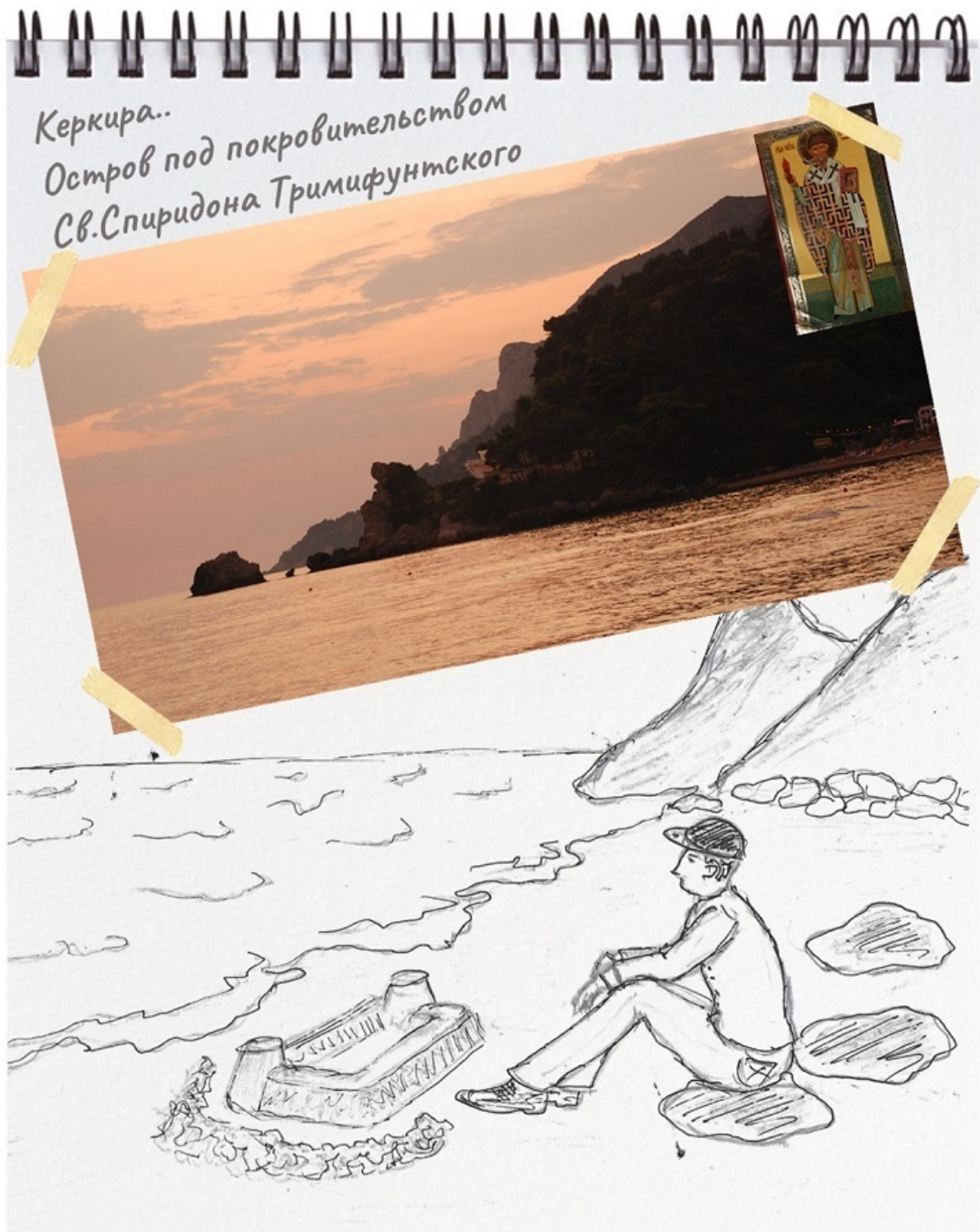
Когда 15 лет назад мы начали всерьез думать, что не можем больше жить с двумя разнополыми детьми в одной комнате, мы едва надеялись на трешку. И даже на трешку я не представлял, где взять денег.

Помню, тогда в Москву привезли мощи святого Спиридона с острова Керкира. Я отстоял несколько часов в очереди, чтобы попасть к ним. Святой Спиридон имел репутацию помощника в трудных житейских делах, в том числе в жилищных. Множество людей шло просить его что-то устроить. И я тоже пошел, хотя в то время еще мало верил в чудеса. Но молился усердно. Потому что не представлял, какими известными мне земными способами можно решить наш вопрос. Стоя в очереди, я успел прочитать акафист святому раз пять или шесть. И все равно в чудо не верил. Лишь слабо надеялся.

Но чудеса начались. Сначала я неожиданно получил большой годовой бонус и прибавку к зарплате. Это дало возможность купить маленькую двушку с окнами на Донской монастырь. Через полтора года я впервые стал генеральным директором с весьма приличным окладом, а за это время цены на недвижимость неожиданно взлетели вверх. Настолько, что двушка выросла в цене более чем в два раза. Похоже, само ее расположение у монастыря тоже было не случайным.

Теперь, оперируя двумя двушками, мы решили замахнуться на четырехкомнатную. Только чтобы получить необходимую для ее покупки сумму, надо было выставить обе наши двушки на продажу по цене на 30% выше рыночных. Мы рискнули. И параллельно начали искать свою. Искали полгода. Посмотрели больше двадцати квартир. Рынок был на подъеме. Глаза разбегались от выбора. Но всякий раз чего-то не доставало. Когда нашли эту, в которой было пять комнат, три лоджии, два санузла и очень удачное расположение, я почувствовал сердцем, что она – моя.

И тут произошло новое чудо. Совершенно неожиданно нашлись покупатели на обе наши квартиры. Денег хватило ровнехонько так, чтобы купить квартиру, которую мы только что нашли для себя. Сделка была сложная, в цепочке пять покупателей, включая ипотечников. И все прошло гладко. И так же гладко потом прошел ремонт, который обычно считается катастрофой, но который мы очень спокойно и быстро провели за три месяца с очень хорошей бригадой по рекомендации. Везде в истории с этой квартирой все проходило удивительно гладко. Вот так: робко мечтали о трешке, а оказались в пятикомнатной. Я чувствовал здесь настоящую Божью помощь. И молитвы святого Спиридона.

Следующим летом мы всей семьей поехали на Керкиру благодарить святого. Поехали в его праздник и участвовали в крестном ходе через весь город. Удивительно светлая была поездка. И потом в моей жизни было еще много совершенно чудесных событий, связанных именно с ним. Сейчас святой Спиридон мне совсем как родной. Но обо всем в свой черед.

Невыносимо тяжело было оставлять дом, в который было вложено столько душевных и физических сил. Да и денег. Тяжелая тоска и безысходность переполняли меня. Только музыка могла хоть как-то их унять. И вот я сидел и играл. Играл что Бог на душу положит. В мажоре.

Не знаю уж почему, но моя самая беспросветная тоска всегда в мажоре. Прямо как в любимых мною шотландских балладах. Потом стали приходить слова:

*Далеко берег, не видать,
Высоко небо, не достать,
Сердце вновь рвется на куски,
Боже, помоги, Боже, помоги
Обрести мир моей душе,
Спрячь меня в ветхом шалаше
Далеко от моей тоски
У большой реки, у большой реки.*

Песня сложилась быстро. Я решил спеть и записать ее на диктофон, чтобы не забыть. На словах «сердце вновь рвется на куски» я осекся. Потому что это не были простые слова из чьей-то чужой песни. Это была моя песня и моя собственная жизнь. И мое сердце. Которое самым настоящим образом почти разрывалось. Записать все от начала до конца я сумел раза с пятого. Стало легче. Хотя и ненамного. Правда, записью я остался доволен. Нечасто мне удавалось исполнить свои сочинения с таким большим чувством.

Я обвел взглядом многочисленные коробки, громоздившиеся почти до потолка и загромождающие свет, идущий из окон. Я не узнавал места, где провел десять лет своей жизни. Счастливой жизни. Здесь больше не было моего дома. В некогда уютной квартире было глухо и темно. И непреодолимое ощущение того, что вся моя жизнь раздавлена этими картонными глыбами. Раздавлена безжалостно и навсегда.

2 июня

Через несколько дней после разъезда я получил свидетельство о расторжении брака. Эти два события как-то совпали по времени, что, конечно, было знаково. Так закончилась очень большая и важная часть моей жизни. А что начиналось, я не знал. Хотя нет. Знал одно. Начинаясь эпоха тотального одиночества и пустоты.

Конечно, у меня было время, чтобы морально подготовиться к разъезду, принять это как неизбежность. Месяца три-четыре. Покупатели на нашу квартиру нашлись быстро. Это была многодетная семья. Им очень понравились три отдельные комнаты, которые очень хорошо подходили для их детей. Цена их тоже устраивала, и они были готовы ждать, пока мы найдем свои варианты.

Я решил, что возьму первую же двушку рядом с метро в том же районе, из которого не хотел уезжать. Вариант нашелся быстро. Маленькая двушка на втором этаже в двух шагах от метро, но в очень зеленом дворе. Владельцы срочно ее продавали, поэтому мне удалось даже неплохо поторговаться. Вещи я собрал заранее, так что переезд прошел бесхлопотно и быстро. И вот я остался один.

Одиночество и пустота почти полностью деморализовали меня. Собирая вещи на старой квартире и договариваясь с грузчиками, я был при деле. Очень неприятном, но срочном и важном деле – квартиру, в которой мы прожили десять лет, надо было освободить к определенному сроку. Теперь, после успешного решения этой задачи мне не хотелось ничего.

Не хотелось разбирать вещи, упакованные в многочисленные коробки, которыми была заставлена моя новая квартира. Не хотелось думать об организации быта и возможном ремонте. Не хотелось есть, пить, даже грустить не хотелось. Я чувствовал полнейшую апатию.

С потерей дома (а именно так я воспринимал наш разъезд) из моей жизни вдруг разом ушло все, ради чего я жил, работал, мечтал. У меня больше не было будущего. О чем можно было мечтать, когда не стало ни жены, ни семьи, ни детей? Как и зачем жить после всего этого? Я не знал. И хотя понимал неизбежность этого одиночества, все равно оказался к нему не готов.

А как можно было к этому подготовиться? Как вообще можно подготовиться к краху собственной жизни? Именно так я ощущал все случившееся со мной за последний год. Я тупо просиживал часы на нашей огромной супружеской кровати, которую зачем-то перевез из старой квартиры. Будто проведенные в ней одинокие ночи навсегда сроднили меня с ней. Кажется, время остановилось и сидеть так я буду вечно.

4 июня

Я знал, что существует много способов выхода из таких состояний. Можно уйти с головой в работу или занять себя иными важными делами. Но и тут все было как-то очень непросто. Работа была, и ее было достаточно. Только мне совершенно не хотелось ею заниматься. Не то, чтобы я чувствовал себя перегоревшим или уставшим, просто я не чувствовал ценности своей работы. В самом что ни на есть глобальном масштабе. Я не видел, какую конкретную пользу моя работа несет миллионам россиян.

Я занимался интернет-маркетингом. В принципе, это очень востребованная сфера. Рынок интернет-рекламы даже в кризисные годы был на подъеме, и ничто не предвещало его падения еще как минимум несколько лет. Я был уверен, что без работы не останусь. Более того, мне нравилось то, что я делал. Нравилось анализировать рынки, создавать стратегии, воплощать их в жизнь. Не нравилось одно – то, *какие именно* товары и услуги мне приходилось продвигать.

Современный маркетинг превратился в откровенное навязывание покупателям совершенно ненужных им продуктов и в открытую пропаганду ложных ценностей. Последние 30–40 лет цивилизованный мир активно занят формированием общества безудержного потребления, постоянно побуждая людей покупать и покупать. Десятый айфон вместо девятого, более мощный автомобиль, более модную сумочку. Еще пятнадцать сумочек под пятнадцать разных цветов туфель. Экипировку под каждое новое хобби. Увлечся горными лыжами, тебе нужно пять-шесть пар лыж. Под разный стиль катания, под разный тип снега нужны разные лыжи, палки, разная одежда и так далее.

Мы, маркетологи, формируем у людей нескончаемые потоки потребностей и продаем им даже уже не продукты, а бирки, именуемые брендами, по факту симулякры продуктов. Более того, мы продаем и приучаем людей покупать эмоции и впечатления. Даже у эмоций в нашем мире есть конкретная цена. У всего есть цена, и почти все сегодня можно купить. Только вот, покупая все это, мы не становимся ни счастливее, ни лучше. 30 лет развития свободного рынка и общества потребления в нашей стране не сделало наш народ богаче. Совсем наоборот. В погоне за новыми впечатлениями мы теряем то, что на самом деле не имеет цены: любовь, дружбу, искренность, взаимопонимание, верность и много чего еще.

Я не буду здесь долго рассуждать о таких очевидных вещах. Скажу только, что, придя на рынок рекламы в 1995 году, я думал, что делаю свою страну лучше, демократичней, свободней. Я помогаю людям узнавать о качественных товарах и развиваю таким образом нашу экономику. И многие в моем окружении думали так же. Мы работали по 12 часов в сутки и считали это нормой. Я не помню, чтобы кто-то просил оплату сверхурочных. Мы сами всему учились, на реальном опыте и по ксерокопиям иногда доходивших до нас западных книг по маркетингу и рекламе.

Теперь я понимаю, что все это было, мягко выражаясь, совсем не так. И я не открою Америки, сказав, что вместе со всеми прошел путь разочарования и в рыночной экономике, и в тех ценностях общества потребления, которые нам навязывали все эти годы. Мы пришли к огромному социальному расслоению и общественному голоду по утраченным за это время традиционным ценностям.

Мне не хотелось участвовать в дальнейшей деградации страны. Мой сын, отучившись четыре года за рубежом, вернулся в Россию. Он сказал, что хочет жить и работать здесь, чтобы

сделать свою страну лучше. Я с большим уважением отнесся к его выбору. Хоть и считал, что, работая за рубежом, ведя честный бизнес и укрепляя международные связи, тоже можно принести стране немалую пользу. И самому мне очень хотелось сделать что-то, с чем не стыдно было бы предстать на последнем Суде.

Конечно, я начал думать об этом не вчера. Постепенно приобретая опыт Богообщения, размышляя о промысле Божьем и о Его замысле о себе, я все больше чувствовал, что моя личная судьба как-то тесно связана с судьбами моей страны, с ее небесной миссией, как бы это пафосно сейчас не прозвучало. В том, что у России есть миссия и есть совершенно конкретный замысел о ней у Бога, я нисколько не сомневался. Изучая русскую историю и культуру, я всякий раз находил все новые и новые подтверждения этому.

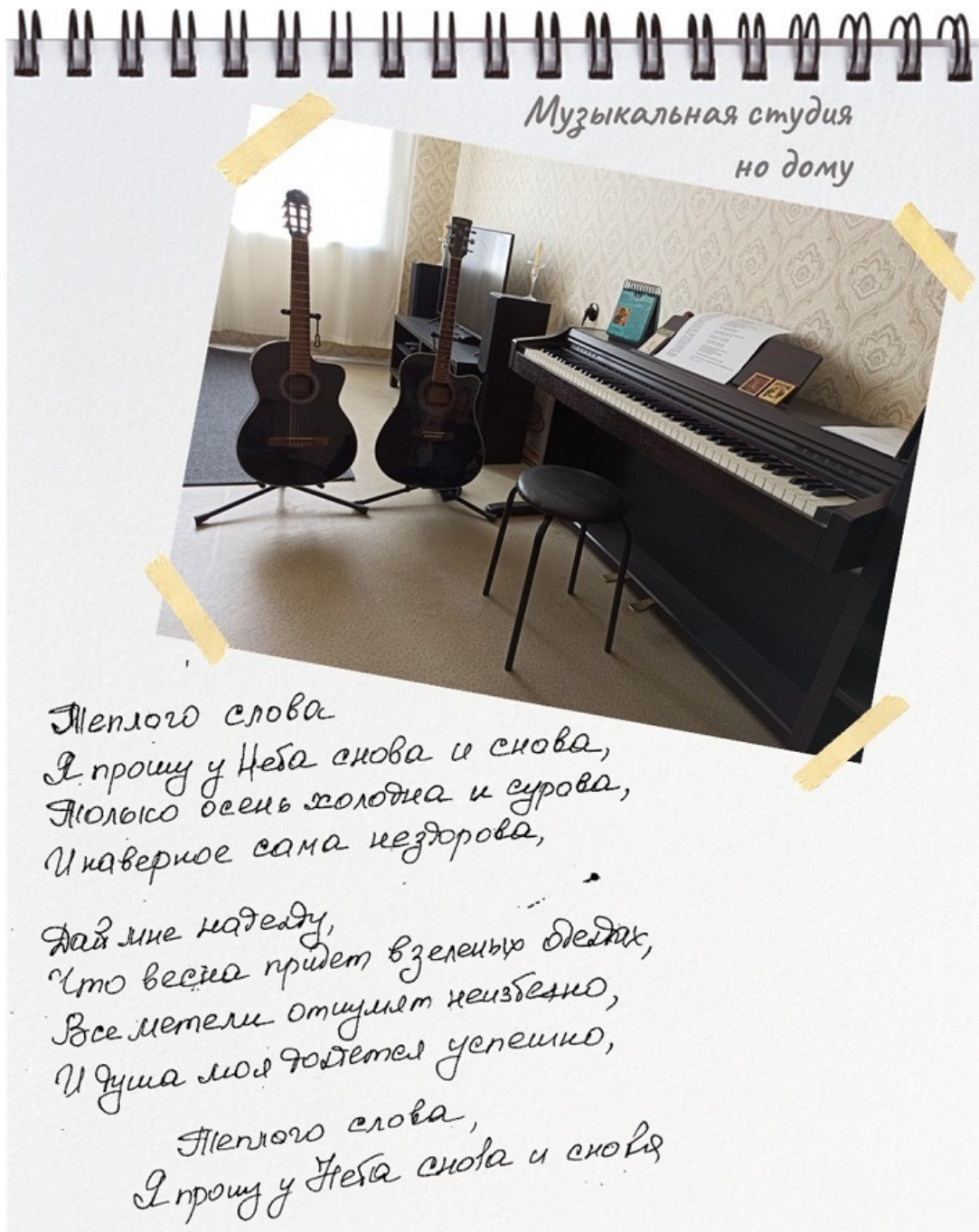
После развода вопрос о смысле жизни встал особенно остро. Если раньше я находил его в семье и воспитании детей достойными носителями ценностей русской цивилизации и культуры, то с потерей этой семьи я перестал понимать, что мне теперь делать и зачем жить. Приходилось честно, без всяких иллюзий констатировать вхождение в неотвратимую и пугающую стадию жизни, именуемую «кризисом среднего возраста».

Глава 2. «Нам песня строить и жить помогает»

7 июня

Конечно, мое положение не было совсем безысходным. Как будет видно в дальнейшем, несмотря на потерю семьи, любимой женщины и отсутствие удовлетворенности от работы, я не остался в полном одиночестве. И все же ощущение катастрофической пустоты в первые дни после переезда я помню хорошо. И эту внезапную пустоту надо было чем-то заполнять.

Первой пришла мне на помощь музыка. Когда на меня в очередной раз накатывала тоска, я брал в руки гитару и играл. Я даже купил специальную стойку для нее и поставил напротив кровати так, чтобы она всегда была на виду. Я мог просто так брэнчать или наигрывать что-то, или напевать любимые песни. Свои и чужие. Иногда удавалось придумать удачный с моей точки зрения мотив. Я начинал развивать, погружаться в него, и тогда вдруг начинали приходиться слова.

Чаще всего в начале была интересная строчка или образ. И этого было достаточно, чтобы запустился творческий процесс. Помню, как песня родилась всего из пары слов. *Не со мной*. Я напевал их, думая, кто же может быть сейчас не со мной. Ответ, как вы понимаете, был очевиден. И так родилась первая строчка:

И любовь моя сегодня почему-то не со мной

Дальше я начал придумывать концепцию песни и логику ее развития. В данном случае все было просто. Если в песне есть любовь, то должны быть вера и надежда. То есть их со мной как раз не было, как не было любви. Теперь оставалось наполнить три куплета про веру, надежду и любовь недостающими деталями и придумать соответствующий финал:

*Проползают мимо дни в сомненьях смутных,
Как понять мне непростой свой путь земной,*

*Только вера моя тоже почему-то
Не со мной.
Вот бы мне уплыть от жизни одинокой,
У неведомой земли найти причал,
И все хочется, чтоб там, в стране далекой
Кто-то ждал.*

На этот текст ложилась мажорная музыка с динамичным ритмом в стиле а ля американское кантри. Ничего с этим не поделаешь, так уж у меня получается. Наверное, контраст грустных слов с мажорной светлой музыкой должен оставлять ощущение надежды. Надежда ведь умирает последней. Впрочем, в моих песнях она не умирает никогда.

10 июня

Этим тяжелым летом песни рождались часто и быстро. Даже непринужденно. Раньше мне приходилось думать над сюжетом, подбирать нужные слова и рифмы, и на одну песню могло уйти несколько недель. Сейчас слова приходили сами и сразу правильные. И рождались образы – то, чего раньше в моих песнях не было вообще. Был сплошной нарратив из серии «я пошел туда, а потом сюда...». А тут вдруг стали приходить описания природы и даже эмоциональных состояний, а сами песни – почти набело – складывались за полчаса, максимум за час.

Было ощущение, что эти слова и образы сами собой выплескивались откуда-то из глубин моей задавленной души. Вместо слез. Просто душа знала, что мужчине нельзя плакать. Тогда она пела. И пела так, что мне самому хотелось плакать.

Однажды ночью я никак не мог уснуть. Мелкий дождь негромко стучал в окно. Светало, летние ночи короткие. Я почти всю ночь пробренчал на гитаре и, наконец, добренчался:

*За окном тихий дождь,
Шелест тополей,
Пять утра, ну и что ж,
Небо все светлей.
А дождю нет конца,
Мокнет грустный сад,
Ничего не вернуть назад.
Больше ничего не вернуть назад.*

*Липы спят, клены спят,
Листьями шурша,
И мечты тоже спят,
Спит моя душа.
Только дождь, да мои
Грусть с тоской не спят,
Ничего не вернуть назад,
Больше ничего не вернуть назад*

Далее шли еще два аналогичных куплета, в которых несчастный летний дождик портил все дело, не давал спать и порождал вокруг одну сплошную горькую влажность. Музыка была грустноватой, но в целом мажорной. Творческий процесс настолько увлек меня, что я решил тотчас записать акустический вариант песни на компьютере. На запись четырех гитарных партий ушло меньше часа. Далее мне пришла светлая мысль для разнообразия наложить солирующую слайд гитару. Пришлось лезть на антресоль, где она, привезенная мной несколько лет

назад из туманного Лондона, пылилась в забвении. Усилия того стоили. Гитара реально плакала в этой песне под легкий шум дождя. Я остался очень доволен черновой аранжировкой.

Неприятный сюрприз поджидал меня во время записи вокала. Мелодия была довольна проста. К тому же я планировал только одну вокальную партию без подпевок. Я рассчитывал записать ее за 15–20 минут. Увы. Я потратил на вокал около двух часов. Каждый раз, доходя до слов «ничего не вернуть назад», я спотыкался от переполнявших меня эмоций и останавливался, чтобы прийти в себя. Я повторял дубль за дублем, и все равно осекался. Пришлось записывать каждый куплет по отдельности. Я так ни разу и не смог спеть эту песню от начала до конца. И сейчас, спустя два года, не могу.

18 июня

Этим летом песни сочинялись везде. На прогулке, на работе, даже в транспорте. Одну из своих лучших песен я написал в метро. Незадолго до нашего разъезда. После соборования во время Великого поста. Уже тогда, весной, все было понятно. Бракоразводный процесс набирал обороты, а в нашу квартиру, выставленную на продажу, стали приходить потенциальные покупатели.

Сегодня на коллективное соборование приходят для того, чтобы попросить Господа об отпущении забытых грехов. Я тоже пошел просить об этом. Мой брак было уже не спасти, и такой печальный результат, несмотря на все молитвы, я объяснял огромным числом своих прегрешений. Таким огромным, что моя молитва их пересилить просто не могла. Думаю, только искреннее раскаяние могло породить такие слова:

*Прости, что я не воин,
Прости, что духом слаб,
Прости, что недоволен
Тем, что Ты мне послал.
И зло, что беспрестанно,
Я, ведая, творил,
Прости, когда в конце предстану
Я пред судом Твоим.*

Эти строчки пришли сразу после окончания соборования, когда я сел в метро. И пока ехал домой, пришли еще четыре куплета. Мелодия для этих слов уже была, и давно. Ее я придумал не сам. Я использовал известный шотландский народный мотив, на который написано несколько текстов. И когда мне начали приходить такие слова именно на него, я решил, что русский вариант тоже имеет право на жизнь.

Слова приходили легко и быстро. Причем рифмовались разные части речи, что со мной случалось нечасто. И я был очень рад, что у меня, наконец, появилась песня в стиле кельтской баллады. Я давно хотел сочинить такую. Уже после переезда я записал ее на студии, обратившись к музыкантам, с которыми писал альбом два года тому назад. Запись мы сделали быстро, за одни выходные.

Моя гордость в этой песне – настоящая ирландская волынка эйлен. В России всего несколько музыкантов, которые умеют на ней играть. На моей записи звучит лучший из них. Мне посчастливилось найти его через знакомых. У этой волынки удивительный, немного дрожащий звук. И волынщик сыграл так, как надо – просто, сдержанно, но очень проникновенно.

Песня вышла хорошей. Под плотный аккомпанемент 12-струнной гитары и ирландского бузуки, который я привез из того же туманного Лондона, грустно переливались кельтские флейты-вистлы. Они то уходили вверх, то вдруг оказывались внизу. Не знаю уж, как музыкант сумел поймать мое настроение, но казалось, будто моя душа, стремясь к Богу, все никак не может оторваться от грешной земли. Волынка эйлен вступала в последнем куплете на слова:

Прости, что раб Твой грешный

*Я все равно грешу,
И все равно с надеждой
Я милости прошу.
Все зло, что беспрестанно
Я, ведая, творил,
Прости, когда в конце предстану
Я пред судом Твоим.*

И так горестно и сокрушенно она вздыхала между этими словами, что создавалась полная гармония со словами и состоянием певца. Я тоже немало потрудился над тем, чтобы это состояние передать своим голосом. И, конечно, молился перед тем, как начать петь. По-моему, у меня получилось. Песню я назвал коротким словом «Прости».

Я сочинил около сотни песен. Достойных – не больше десятка. «Прости» – одна из них. Не из-за стильной фолковой аранжировки и удачных рифм. Просто это, наверное, моя самая честная песня, песня-порыв. Пожалуй, даже больше, чем песня. Это покаянная молитва. Может быть, самая глубокая и искренняя за всю мою жизнь. Поэтому она мне так дорога.

2 июля

Несмотря на стабильную мажорность моих песен, в них часто прорывалось уныние, порой близкое к отчаянию. Я понимал, что рано или поздно выберусь из этого состояния и устрою свою личную жизнь. Но когда именно это все случится, представлял себе с трудом. Не то чтобы я в это совсем не верил. Просто мне казалось, что впереди такой долгий путь, конца которому не было видно.

*Снег ложится темным утром
На мою дорогу,
Беспокойно в сердце смутном,
Не унять тревогу,
До конца пути осталось
Тридцать три печали,
И опять стою я на причале.*

А я ведь чувствовал поддержку. Со стороны родных, друзей, моего духовника. И поддержку свыше тоже чувствовал. Но вера моя была крайне нетверда, и я постоянно скатывался в сомнения. Сомнения в том, что смогу еще найти любовь, смогу сам полюбить, что жизнь как-то наладится. У этих сомнений были основания.

Чем больше я размышлял о причинах краха моего брака, тем больше видел своих ошибок в нем. Только теперь я видел другую, не менее темную сторону медали. Если раньше я сокрушался о бесчувствии и невнимании по отношению к супруге, то теперь я видел те моменты, в которых должен был проявить больше разумной твердости. Потому что любовь – это не только про постоянные компромиссы и уступки. Это еще и про то, чтобы оградить любимого человека от впадения в грех. Здесь тоже проявляется очень важная христианская забота мужа о жене. Помимо очевидных нежности и ласки.

«Ты дал ей слишком много воли, – сказал однажды батюшка. – Иногда надо и кулаком по столу стукнуть по-мужски». И я теперь видел, сколько моментов я упустил, когда надо было стукнуть кулаком по столу. А надо было. Нежно, но твердо не уступить. Из того же чувства любви надо было. А я боялся. И в итоге оказался очень дурным мужем. Не только в общечеловеческом, но и в христианском смысле. Осознание этих ошибок настолько усиливало тяжесть моей ответственности за развалившуюся семью, что я порой готов был съесть себя заживо. И в эти моменты возникал страх, переходящий, почти в уверенность, что прощения мне нет, не может и не должно быть.

Триста дней, торная дорога,

*Триста дней, реки и мосты,
Триста дней – далеко до Бога,
Как до моей, моей пустой мечты.*

Мечтой о прощении проникнуты многие мои песни. Ощущение прощения придет. Не так скоро, как хотелось бы, но придет. Когда я, как герой Петра Мамонова из фильма «Остров», уже почти свыкнусь с мыслью, что этого прощения, возможно, не будет никогда. Наверное, оно только тогда и приходит, когда перестаешь ждать.

Глава 3. Когда и друг, и истина – дорога

7 июня

Сердце как чувствовало, что этим летом надо совершить те заграничные поездки, которые раньше по разным причинам откладывались. И я решил поехать в Равенну посмотреть ранневизантийские мозаики. Я когда-то учился на византиниста, и моя несостоявшаяся специальность иногда напоминала о себе такими желаниями.

Эта поездка была частью моих размышлений о смыслах исторических путей Византии и Руси. Я был убежден, что русская цивилизация впитала много элементов культуры Византии, как бы приняв от нее эстафету православного царства. И скорее всего это было частью исторического плана Божьего. Я даже видел, как именно Господь готовил Русь в течение нескольких веков для принятия этой эстафеты. И даже монгольское нашествие было частью этого Плана.

Византия не могла до конца исполнить свое историческое предназначение и пала в 1453 году. И мне хотелось понять, что собой представляла эта цивилизация и какова была ее незавершенная миссия. Такие вот непростые соображения повлекли меня в самый разгар бракоразводного процесса в солнечную Италию. И ехать туда приходилось, увы, одному.

Равенна не обманула моих ожиданий и встретила приветливым летним теплом. Я провел здесь несколько удивительных дней, гуляя по узким улочкам старого города и просиживая вечера в уютных маленьких двориках за бокалом красного вина. Все мозаики были мной самым тщательным образом осмотрены и отсняты.

Мозаики я не буду описывать. С искусствоведами здесь сложно тягаться. Скажу только, что был потрясен удивительной яркостью цветов. И не только традиционного золотого, который символизирует святость и вечность Царства Божьего. Такими же яркими были зеленый, голубой и красный, который даже ближе к оранжевому. И совсем почти не наблюдалось черного – символа ада. Казалось, художники вообще не думали об аде, а видели только вечнозеленый цветущий рай. И Христос в этом раю – не строгий судия, а добрый пастырь.

Обилие ярко-зеленого и голубого на золотом фоне создавало впечатление чудесной красоты и радости. Таким был взгляд на мир в эпоху раннего христианства. И тут я сделал для себя очень важное открытие. Христианство по своей сути – очень яркое, жизнеутверждающее и оптимистичное мировоззрение. С этого момента православие стало прочно ассоциироваться у меня с красочными мозаиками Равенны. И в русской иконописи я тоже начал видеть эти яркие краски. Именно такие цвета я увидел во вновь отреставрированных фресках храмов Суздаля. В них та же радость жизни. Духовной жизни. И такая же радость есть в Рублевской Троице, которую я всегда ношу с собой.

Как мозаики, так и сама Равенна стали для меня очень целостным, ярким и радостным впечатлением этого сложного лета. Я уезжал отсюда с удовлетворением человека, познавшего пусть маленькую, но истину. И она приятно грела мне душу. Огорчало одно – своими открытиями мне совершенно не с кем было поделиться.

2 июля

Эту поездку я совершенно не планировал и потому вдвойне благодарен судьбе. Один знакомый порекомендовал меня польским коллегам, искавшим партнера в России. Мы связались по скайпу, и я, недолго думая, решил посетить их офис в Варшаве. Ведь это еще и отличная возможность познакомиться со страной, в которой никогда еще не доводилось побывать.

У меня есть обыкновение перед посещением новой страны погружаться в ее культуру: овладевать основами языка, истории, цивилизационными кодами. Так у меня появилось новое занятие на время, которое я решил отвести для приготовления к этой поездке. Изучение самоучителя польского языка, знакомство с польскими фильмами и музыкой, чтение книг по польской истории. Таков мой обычный курс «боевой подготовки» к выезду за рубеж.

Иногда эти вещи совмещались. В качестве фильмов были выбраны экранизации трилогии Генрика Сенкевича о пане Володыевском, русские версии которых я знал почти наизусть. На огромных просторах интернета был найден документальный сериал «Тайны истоков Польши» – такие сериалы существуют практически в каждой стране, и я всегда их смотрю на языке оригинала. С музыкой тоже не было проблем. Я решил окунуться в детство и закачал себе в плеер хиты польских «битлов» – ансамбля «Червоны гитары». Я глубоко признателен богатой польской культуре за то, что она помогла мне скрасить месяц одиночества после разъезда.

Польский язык очень красив. Я вообще люблю славянские языки. Точно так же в свое время я овладевал основами сербского, болгарского и словацкого языков перед посещением этих стран. В Словакии я был за год до Польши, и впечатления были еще свежи. У этих языков много общего, как-никак западнославянская группа. Оба очень певучи и даже обилие шипящих в польском по-своему изящно. Говорить и петь по-польски было приятно, песни «Червоных гитар» заучивались легко.

Особенно мне нравилась их песня *Nie spoczniemy* («Не успокоимся»). Она удивительным образом перекликалась с тем, что писал я сам. В припеве красавец-солист Северин Краевский пел, что не успокоится, пока не дойдет до седьмого леса, то есть до края земли. Фактически, речь здесь шла о рае, в который можно попасть, только пройдя долгий путь земных разочарований. Ох, как это было мне близко!

Сложнее оказалось с польской историей. Польша и Россия, прямо скажем, редко когда бывали дружны, гораздо чаще враждебны. Что вызывало у меня очень большое сожаление. Мне не удалось понять Божий замысел о Польше, но удалось почувствовать, что он точно был не в войнах с исторической Россией за земли бывшей Галицкой, Литовской Руси и Смоленщины. И не в попытках окатоличивания православного населения этих регионов.

В событиях польской истории я видел очень странную закономерность: как только началась очередная экспансия на Восток, в стране случались какие-то неурядицы. То шведы нападут, то турки, то вассальный от Турции трансильванский князь, то казаки восстанут. В конце концов, это постоянное стремление воевать с Россией закончилось ликвидацией польской государственности в XVIII веке. И опять повторилось в XX веке, едва Польша обрела независимость. Не извлекаются из истории никакие уроки. А жаль. Мне кажется, у наших народов много общего. Во всяком случае, с польскими коллегами мы общались очень продуктивно и дружественно. И хотя мой польский откровенно не дотягивал до обсуждения вопросов бизнеса (здесь нам пришлось воспользоваться английским), мои скромные познания в области польского языка и культуры были ими по достоинству оценены.

Два дня я провел в Варшаве, а потом коллеги отвезли меня в Краков, где я провел еще два дня. Удивительно красивый город с богатой историей. Древняя столица Польши с королевским замком, университетом и даже выделенным еврейским городком. Район Казимеж и музей «Старая синагога» произвели на меня самое сильное впечатление. До посещения этого музея я практически ничего не знал о том, как в Европе была устроена жизнь еврейского народа.

Дополнительным бонусом пребывания в Кракове стала практика общения на польском языке. К моей чести, за два дня я не произнес ни слова по-английски и уж тем более по-русски. Конечно, говорил я крайне коряво, с ошибками, но с большим желанием. Туристическая индустрия Кракова в лице официантов, метрдотелей, таксистов и музейных работников проявила к моим лингвистическим потугам весьма приветливое снисхождение. Так что я вполне

ответственно считаю, что практический экзамен на знание польского языка и культуры я сдал успешно.

10 июля

Тосковать одному в новой квартире мне пришлось недолго. Сын попросился пожить на время, пока он ищет съемную квартиру. Я с радостью согласился, поскольку успел уже соскучиться по детям.

У меня довольно быстро сформировалась большая группа поддержки. Неожиданно обнаружилось, что окружающие меня люди очень хотят помочь мне. И словом, и делом. Воистину друг познается в беде. Было удивительно приятно узнать, сколько у меня на самом деле друзей.

Постоянно звонили родители и сестра, которая жила далеко, почти на самом юге страны. Батюшка присылал жизнеутверждающие цитаты из Священного Писания. Приходили сообщения от знакомых монахов с Афона, которых я навещал почти каждый год. Они писали, что молятся за меня. Коучи и психологи постоянно мониторили мое состояние, не давая унывать. Тренер по фитнесу предложил и разработал целую программу реабилитации через занятия спортом и участие в соревнованиях, о чем я напишу отдельно.

Коллеги и партнеры, кто знал о ситуации (которую я, к слову сказать, не особенно скрывал), ободряли и постоянно приглашали куда-то: кто на выставку, кто в поход, кто в караоке, кто просто на обед или ужин. Кто-то сразу же начал меня знакомить с одинокими женщинами. Я безмерно благодарен всем, кто тогда принял во мне живое участие. И продолжает принимать сейчас. Это огромная радость – чувствовать, что ты не один.

С особой силой я испытал эту радость, когда подошел день моего рождения. Он приходится на самую середину лета, и встречал я его чаще всего в кругу семьи где-нибудь за границей. То на солнечном греческом острове, то на берегах знойной Каталонии, то в Провансе. Нынешним летом ничего такого не планировалось. Семьи больше не было.

Есть пословица «свято место пусто не бывает». И этим летом я ощутил поддержку и теплоту той семьи, от которой в столичной суете когда-то оторвался. Семья эта была в Тверской земле, на моей исторической родине.

14 июля

Я вообще-то очень простого происхождения. Отец мой родом из города Бежецка Тверской области. Бежецк – древний город, по одной из легенд основанный язычниками из Великого Новгорода, бежавшими оттуда, когда там начали устанавливать христианство. Первое бесспорное упоминание о Бежецком Верхе как владении Великого Новгорода относится к 1196 году, хотя археологи считают, что раннесредневековое городское поселение возникло здесь двумя веками раньше.

В XIII веке Бежецкий край был объектом борьбы Новгорода и Тверских князей. В XIV веке к этой борьбе присоединилась Москва, которая и вышла из нее победителем. В Смутное время начала XVII века город был полностью разрушен и весь следующий век представлял собой скорее село, половина владений в котором принадлежала пяти расположенным здесь монастырям. Уездным городом он стал при Екатерине II, которая конфисковала все здешние монастырские владения. Население, жившее земледелием и мелкими ремеслами, к началу XX века насчитывало около 20 000 человек. И сейчас немногим больше.

Мой отец родился в небольшой деревне в двух километрах от Бежецка незадолго до войны. Деда своего я не застал. Он прошел финскую войну, был ранен и уже не подлежал призыву на военную службу, проработав всю Отечественную на одном из оборонных заводов. Он умер вскоре после войны, оставив жену, мою бабушку, с тремя маленькими сыновьями, старшим из которых и был мой отец.

Бабушку я помню хорошо. Это была настоящая русская женщина-крестьянка. Имея всего два класса образования, она всю жизнь проработала простой дояркой в колхозе. Но какой внутренней духовной силы была эта женщина!

Замуж она так и не вышла, в одиночку подняла трех сыновей, дала им образование, отца моего отправила в город учиться в институте. Поддерживала его, как могла, продавая картошку с собственного огорода на Даниловском рынке в Москве. И деньги отцу на его первые «жигули» в 1975 году дала она. Отец, будучи инженером с высшим образованием, вряд ли бы накопил на них сам. Очень волевая, суровая и при этом безмерно любящая своих детей и внуков, бабушка была для меня олицетворением настоящего русского духа. Духа того поколения, которое победило в войне, восстановило страну и обеспечило нам счастливое детство.

Из трех ее сыновей только мой отец уехал далеко, в большой город на Волге, тогда называвшийся Горьким. Два других брата остались в Бежецке, женились, родили детей, а те внуков. Бабушка не увидела ни одного правнука. Но сейчас нас много. У меня в Бежецке два двоюродных брата, две двоюродные сестры и еще девять двоюродных племянников и племянниц. На мой юбилей, который случится ровно через год, за столом соберется более 20 человек. Но об этом в свое время.

И вот один из моих двоюродных братьев пригласил меня погостить в домике, который он держал для друзей-охотников, наезжавших к нему в охотничий сезон. Летом домик пустовал, звал он меня давно, а я все никак не мог собраться. И тут я решил, что появился хороший повод навестить свою бежецкую родню. Не так уж они и далеко, около 300 километров. Всего пять часов езды на машине.

17 июля

Дорога в Бежецк оказалась несколько дольше, чем пять часов. Зато интереснее. И вот почему. Мои старые университетские друзья, два Сергея, предложили в день моего рождения предпринять какое-нибудь небольшое путешествие в их компании. Я в ответ подал идею поездки в Бежецк через древние города Сергиев Посад, Калязин и Кашин.

У нас получился увлекательный трехдневный вояж в обществе сына и двух Сергеев. Было тепло и солнечно, отличное время для прогулок по красивым местам. В Сергиевом Посаде мы бывали не раз, поэтому сделали только короткую остановку на акафист святому Сергию. И двинулись дальше, примерно через полтора часа достигнув Калязина.

Калязин – старинный город с богатой историей и трагической судьбой, иногда называемый «русской Атлантидой». Начинаясь он как один из опорных пунктов Волжского торгового пути из Новгорода на Каспий. Первое упоминание о монастыре в здешних местах относится к XII веку. В XV веке калязинский Троицкий монастырь упомянул в своем «Хождении за три моря» тверской купец Афанасий Никитин. А в эпоху Смутного времени под Калязином русское войско одержало важную победу над поляками.

Калязин и в XIX веке продолжал играть роль торгового города. Здесь проходили ярмарки, куда съезжались купцы из соседних губерний: Тверской, Ярославской, Вологодской. Были широко развиты разнообразные промыслы, особенно валяльный и кружевной. В Калязине жили многие купеческие фамилии, известные своей благотворительной деятельностью.

Две трети города и почти сорок населенных пунктов Калязинского района были затоплены в 1939–1940 гг. при строительстве Угличского водохранилища. От Троицкого монастыря и исторического центра города осталась только колокольня Никольского собора, да еще две церкви, не попавшие в зону затопления. В одной из них, бывшей Богоявленской церкви, находится сейчас краеведческий музей.

Мы взяли индивидуальную экскурсию по музею. Его стоит посетить. Почти весь музей создан усилиями одного человека – местного краеведа и энтузиаста Ивана Никольского. Он посвятил свою жизнь собиранию сохранившихся после затопления предметов жизни и быта

горожан. Как приятно узнавать, что на нашей земле есть такие люди! А еще мы узнали, что в годы Отечественной войны около трети калязинцев были призваны на фронт. Половина из них не вернулась. Маленький уездный город, а сколько он дал стране!

В Калязине есть два современных памятника. Один – князю Скопину-Шуйскому, который одержал здесь во время Смуты XVII века победу над польско-литовским войском, а второй – жертвам Красного террора (1918–1922), среди которых купец, дьякон, врач и два мещанина. Вот так смерть жестко уравнила сословия в Гражданской войне.

Мы сели пообедать в небольшом ресторанчике с удивительно красивым видом на Волгу. Сюда же зашла группа туристов из Канады, совершавшая велосипедный тур Москва – Ярославль – Санкт-Петербург. Канадцы тоже остановились в Калязине посмотреть на колокольню затопленного монастыря. Мы разговорились. Они проехали уже почти половину пути, и впечатлений у них было много. Калязин им понравился. Это радовало. Город продолжал жить и даже привлекать иностранцев.

Погуляв по набережной Волги, мы тронулись дальше. Наш путь лежал в Кашин. Уезжали с надеждой. Поднимающаяся из воды колокольня Троицкого монастыря – не просто символ Калязина. Я видел в ней символ стойкого и непоколебимого стремления русской души ввысь. Несмотря ни на что. Ни на какие превратности судьбы, пожары и наводнения. Это то, чего у русского человека никому и никогда не отнять.

18 июля

От Калязина до Кашина всего полчаса. Не успели мы толком обсудить увиденное и услышанное, как нас уже ждали новые впечатления. Кашин оказался очень приятным и живописным городком. Он стоит на небольшой речке Кашинке, которая так затейливо вьется вокруг него, что создается ощущение, будто она везде. Куда бы ты ни пошел, везде с тобой будет эта маленькая веселая речка с заросшими травой берегами. А по ее берегам стоят такие же маленькие и веселые домики. Иногда каменные, но большей частью деревянные: зеленые, голубые, желтые. И веселые деревянные мостики через речку, с которых ребяташки рыбачат обычными деревянными удочками без катушек. Кажется, время тут остановилось.

Кашин – не просто какой-то там районный центр. Это самый настоящий курорт, единственный в Тверской области. В XIX веке здесь были найдены источники целебной минеральной воды, и при Александре III даже открыли санаторий.

Есть в Кашине и свои энтузиасты. Мы не преминули заглянуть в знаменитый Музей каши и кашинских традиций. Казалось бы, что тут удивительного? Все мы с детства едим каши. Ан, нет! Оказывается то, чем нас кормили мамы, ничего общего с настоящей русской кашей не имеет. Каши на Руси готовились из совершенно другого зерна, и не варились, а томились в русской печи. Процесс был сложным и занимал не пять минут, как сейчас, а несколько часов. Владелец музея по крупичкам собирает древние рецепты и ездит куда-то далеко за правильным зерном, которого в современной России почти нигде не найти. И готовит их в настоящей русской печи. Каши нам у него отведать не удалось, но верю, что она волшебна.

Кашин называют «городом сердца». Именно форму сердца описывает река Кашинка, протекая через него. Это весьма символично. Для меня сердцем Кашина стали хранящиеся здесь мощи святой благоверной княгини Анны Кашинской и память о святых князьях из Тверского дома. Княгиня Анна – образ русской женщины, не сломленной выпавшими на ее долю многочисленными испытаниями. Она потеряла мужа, двух сыновей и внука, совершивших подвиг исповедничества и замученных в Орде в первой половине XIV века. Потери не сломили ее дух, а способствовали укреплению в вере и благочестии.

Княгиня стала покровительницей Тверской земли и Кашина, который, как считают горожане, она несколько раз спасла от разорения поляками в годы Смуты. Анну прославили в 1650 году, но вскоре из-за большой популярности среди раскольников ее почитание было прекращено. Однако народная память и любовь оказались сильнее запретов. Образ по-христиански кроткой, но вместе с тем мудрой и твердой духом праведницы оказался настолько силен, что в 1908 году почитание Анны Кашинской решили восстановить. Это совершенно уникальный случай в русской истории. И связан он с женщиной. Таких праведниц на Руси немало, и мои путешествия по родной земле открывали мне новые и новые имена.

В Тверском княжеском доме много святых. Князь Михаил Ярославич, его супруга Анна, его сыновья Александр и Дмитрий, внуки Федор и Михаил. В школьной истории как-то не акцентируют внимания на этом факте. Как и вообще на факте борьбы Москвы и Твери за объединение Руси на всем протяжении XIV века. А ведь борьба была очень жестокая. И вели ее с обеих сторон люди, прославленные в лике святых. На одной стороне – уже упомянутые князья Тверские, на другой – князья Московские: святые благоверные Даниил Александрович, его сын Иван Калита и правнук Дмитрий Донской. На первый взгляд, совсем нелогично. Воюют, интригуют друг против друга, и все при этом святые?

Ответ я нашел в исторических романах Дмитрия Балашова, который нарисовал очень яркие и по-своему привлекательные образы и москвичей, и тверичей. Князья Московские выглядели как осторожные и кропотливые собиратели земель и строители новой Руси, тверичи – как харизматичные и немного авантюрные воины-романтики. И те, и другие по-своему любили Русь и были готовы умереть за нее. Терпеливые москвичи умели ждать. Тверичи хотели все и сразу. Пусть даже ценой союза с врагами. А цена имела значение. Так считал писатель. Я с ним согласен. Стратегия московских князей в исторической перспективе оказалась более продуктивной и созидательной. Но это не умаляет исповеднического героизма князей Тверских. Такова наша история – история Святой Руси. Ею можно и нужно гордиться.

Кашин был некогда центром удельного княжества. Этот маленький живописный городок еще хранит следы былого величия. Здесь более десятка храмов и три монастыря, лежащие, правда, в руинах. Одно радует – восстановление потихоньку идет. До XVIII века почти вся Русь была деревянная и горела часто. А еще приходили захватчики, жгли и громили ее. А она поднималась и снова отстраивалась. И становилась еще краше. И в этот раз тоже отстроится.

20 июля

От Кашина до Бежецка чуть больше часа. В конечный пункт нашего маршрута мы прибыли в семь вечера. Нас уже ждали. Вся большая семья моего младшего дяди в составе десяти человек собралась за большим накрытым столом в охотничьем домике, чтобы отпраздновать мой день рождения.

На меня вдруг нахлынули воспоминания далекого детства, когда была еще жива бабушка, и мы все собирались в ее старом деревенском доме. Человек 15–20. И всем как-то хватало места: кому в комнате рядом с печкой, кому в сенях, кому на душистом сеновале в сарае. И оказалось, что наша дружная семья никуда не делась. Она была здесь, со мной. Это я делся. Затерялся где-то в своей суматошной столичной жизни. А теперь вернулся. И был очень рад этому. И все вокруг были рады.

Бежецк расположен в живописном месте слиянии двух рек, Мологи и Остречины. Здесь до сих пор много старой застройки, и, по-моему, вообще нет ни одного здания выше пяти этажей, да и этих-то каменных домов немного. На старых дореволюционных фотографиях город очень узнаваем. Разве что почти не осталось храмов, украшавших своими куполами и колокольнями облик любого русского города. Из пяти монастырей сохранился один. А в остальном будто ничего и не изменилось. Те же бездорожье и распутица, ямы да ухабы.

Хотя нет. Была разница. Некогда многолюдные деревни в округе опустели, покосившиеся дома с заколоченными окнами вросли в землю, а на полях вместо пшеницы и льна нахально топорились борщевик, достигая высотой до двух с лишним метров. Этот вездесущий ядовитый сорняк напоминал мне рисунки хвощей и плаунов из книг о доисторическом мире юрского периода. Я ловил себя на мысли о возвращении в какое-то ужасное и совсем не мое прошлое. От ветряной мельницы, которой когда-то владел мой прадед, осталось несколько кусков гнилой древесины, и кое-где валялись ненужные никому битые кирпичи от фундамента коровника, где всю жизнь проработала дояркой моя бабушка. Такой суровой реальностью очень трудно

было оживить картины моего детства. И все же они оживали. В кругу моей бежецкой семьи. Несмотря ни на что.

Ощущение от дня рождения осталось очень светлым. И хорошо, что он прошел не на море, где-то в чужой стране, а на моей исторической родине среди родных мне людей. Даже созерцание того, во что превратились места моего детства, навевало не столько уныние и тоску, сколько пробуждало разные идеи – нельзя ли это как-то благоустроить с высоты моего нынешнего, хоть и небольшого, но все-таки небезуспешного предпринимательского опыта. Бежецк – древний и живописный город, вокруг удивительная природа, леса, озера, грибы и ягоды, рыба и охотничьи угодья. Здесь можно организовать интересный экологический и культурный отдых. Забегая вперед, скажу, что ровно через год эти идеи начнут претворяться в жизнь. А пока я возвращался в Москву, переполненный неожиданными впечатлениями. И они очень грели мне душу.

Глава 4. Искусство тоже может стать лекарством

25 июля

Нынешним летом у меня случился еще один проект, давший мне большой заряд позитивных эмоций, которые в какой-то степени смягчили переживания от разворачивавшегося параллельно бракоразводного процесса. Проект этот назывался «Студия играющей личности». Начался он полугодом раньше, но теперь, оглядываясь назад, я думаю, что этот проект появился не случайно и именно с такой целью. Господь будто знал, какие события начнут происходить в моей жизни, и хотел меня поддержать. Хотя почему «будто». Разумеется, Он все знал.

Я постоянно чему-то учусь: хожу на курсы, семинары и мастер-классы. Поначалу мне хотелось приобрести недостающие навыки для карьерного роста или развития бизнеса. Потом мне стало просто интересно. Результаты моих занятий часто бывали далеки от ожиданий, но настолько неожиданны, что в какой-то момент я переставал загадывать и смотрел, во что это в итоге выльется. Выливалось всегда во что-то интересное.

Так вышло и с моим «актерством». Еще в декабре на одной из бизнес-конференций я послушал выступление руководителя актерской студии, который рассказывал, как важно уметь создавать правильный образ в ходе переговоров или продаж. Такой взгляд на эффективные продажи был очень нетривиальным. К тому времени я уже прошел несколько тренингов по продажам, не сильно преуспел на практике и напряженно размышлял о том, чего же мне еще не хватает, чтобы стать хорошим продавцом.

И тут меня осенило. А может, мне не хватает именно актерских навыков? Умения создавать нужный покупателю образ? Так я оказался в «Студии играющей личности». Довольно быстро выяснилось, что образы для бизнеса были только оберткой. Нас не учили особым техникам переговоров и проведению встреч. Учили самым азам актерского мастерства. Но процесс настолько увлек меня, что я прошел и базовый курс, и следующий, и пошел на «продолжающий плюс».

На занятиях мы делали разные упражнения, которые, видимо, входят в программу первого курса театрального института. Разыгрывали этюды с воображаемыми предметами и предлагаемыми обстоятельствами. Пробовали методы разных систем актерского мастерства: Константина Станиславского, Михаила Чехова и еще каких-то совсем новых систем, имени которых пока не придумали.

Это было очень интересно и очень сложно. Я на себе почувствовал, как непроста актерская профессия. Мы много наблюдали друг за другом и просматривали видеозаписи с занятий. Оказалось, очень непросто быть убедительным даже в простеньком этюде. Сначала было сложно даже заставить себя все это смотреть и учиться воспринимать себя со стороны. Мне казалось, я настолько ужасен, что непонятно, как меня до сих пор носит земля. Со временем пришлось привыкнуть к себе такому и продолжать работу над собой.

Помню, я изображал незадачливого рыбака, у которого удочка зацепилась крючком за корягу на дне, и он пытался ее отцепить. Нужно было придумать три нарастающих по драматизму варианта отцепления крючка. Пришлось освежить в памяти все детские воспоминания о рыбалках с отцом, все случаи зацепления удочки, все свои ощущения по этому поводу и попытки решения вопроса.

Проигрывая на сцене свой этюд, во время первой попытки я просто резко дергал удище, во время второй ходил вдоль берега и медленно тянул его влево и вправо. Третья была самая радикальная: я «раздевался и лез в воду». Я исполнял этот этюд многократно, насыщая его все новыми и новыми деталями. Я представлял не только, как последовательно снимаю с себя сапоги, носки и брюки. Я представлял, как мерзну, как трогаю ногами воду, прежде чем

войти в нее. Как с дрожью отдергиваю ноги и медленно, шаг за шагом захожу в нее, ежась от холода. И чем больше этих деталей было, тем реалистичнее становился этюд. Под конец я уже физически начинал чувствовать и холод воды, и укусы комаров и даже свою нарастающую злость по отношению ко всей этой ситуации с зацепом.

Сложнее всего было сыграть финал. Изобразить всю накопившуюся злость, которая в итоге прорывается наружу, и заставляет меня, потерявшего терпение от бесплодных попыток, отцепить крючок, раздраженно порвать леску и обиженно уйти с озера. Сильные чувства очень сложно сыграть. Для этого их нужно сначала прожить. А еще точнее – разрешить себе их прожить. На это порой нужны и силы, и смелость. Именно тогда возникает ощущение правды на сцене. Впрочем, и в жизни тоже.

Получалось, таким образом я учился проживать не только воображаемые ситуации, но и свою реальную жизнь. Отцепление крючка неожиданно вызвало у меня ассоциации с разводом. Где я тоже старался сначала что-то аккуратно исправить, но после неудачных попыток отчаялся решить вопрос мирным путем. А отчаявшись, разозлился, все порвал и ушел прочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.